

18+

«Тонкий и глубокий роман, который постоянно оказывается не тем, чем кажется».

Сергей Вересков, литературный обозреватель ELLE.RU

Мелисса Бродер

Рыбы

Серия «Литературные хиты: New Trend»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51845912

Рыбы: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-106536-2

Аннотация

«Рыбы» – роман, в котором темная фантазия сталкивается с еще более темной реальностью.

«Вопрос не в том, что такое любовь, а в том, действительно ли я ищу именно ее?» – говорит Люси, главная героиня романа Мелиссы Бродер.

Ее многолетний роман заканчивается крахом, и Люси перебирается в Калифорнию. Формально – присматривать за собакой уехавшей в отпуск сестры и дописывать диссертацию. На деле – переживать разочарование.

Чтобы разобраться в себе, Люси прибегает к групповой терапии, пытается познакомиться в Тиндере. Ей важно понять причины своей ненормальной одержимости и психологической зависимости от очередного мужчины. Но самое глубокое

погружение в собственный внутренний мир случается, когда она знакомится с Тео – существом из греческих мифов.

Содержание

1	6
2	14
3	23
4	26
5	34
6	37
7	45
8	55
9	61
10	68
11	72
12	81
13	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Мелисса Бродер

РЫБЫ

Николасу

*Такого никогда не было, но всегда есть.
Саллюстий*

Melissa Broder

THE PISCES

Copyright © 2018 by Melissa Broder

This edition published by arrangement with DeFiore and Company Literary Management, Inc. through Andrew Nurnberg Literary Agency

© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1

Я больше не была одна, но оставалась одинокой. У меня был Доминик, больной диабетом фоксхаунд моей сестры, бродивший за мной из комнаты в комнату и валившийся мне на колени, не понимая, что он далеко не малыш. Мне нравился запах его дыхания, мясной, отдававший тухлятиной, о чем он не догадывался. Нравилось тепло его жирного пуза, то, как он бесстыдно приседал, когда хотел справить нужду. Вот оно, надлежащее употребление моей любви, думала я. Вот он, мужчина для меня.

Дом на берегу океана представлял собой современную стеклянную крепость, довольно просторную и потому ничем не напоминавшую о моей прежней жизни. Здесь я могла исчезнуть по-настоящему, так, будто меня и не было никогда, не то что в моей душной, загроможденной бараклом квартире в Фениксе, где я терялась осенью, зимой и весной в окружении вещей, напоминавших о нас с Джейми, и задыхалась в том, что было моим. Есть два способа исчезнуть: плохой и хороший. Я больше не хотела никакого имущества, никакой собственности.

На террасе второго этажа я избавилась от своего вонючего халата, предпочтя ему одно из оставленных сестрой шелковых кимоно. Там, на веранде, я и засыпала каждый вечер

под звездами Вениса¹, расслабившись после белого вина и засунув ноги под теплый живот Доминика. Здесь я не чувствовала своей принадлежности чему-то знакомому. Ничто не давило, ничто не требовало, чтобы я уснула, и я, после девятимесячной бессонницы, наконец-то стала легко и спокойно соскальзывать в сон. В три часа ночи я пробуждалась и неспешно возвращалась в постель с простынями из египетского хлопка, радостно колошматила их ногами, каталась по ним, терлась, как пришелец, дотрагивающийся до чего-то чужого, незнакомого, или прижималась к большущей спине моего пса и прощалась с миром еще на восемь часов. Я даже бывала счастлива.

И все же, проходя в конце первой недели пребывания там по Эббот-Кинни-бульвар, мимо витрин магазинов для яппи – каждый сам по себе галерея белого куба – и увидев пару, мужчину и женщину, обоим по двадцать с небольшим, определенно на первом или втором свидании, я поняла, что со мной по-прежнему не все в порядке. Они с такой серьезностью обсуждали, куда пойти поесть и выпить, будто это действительно имело какое-то значение. Он говорил с сильным немецким, по-моему, акцентом и показался мне симпатичным и сексуальным: по-мальчишески короткие волосы, сильные руки, выступающее адамово яблоко, которое так и

---

¹ *Венис* – калифорнийская Венеция, район в Лос-Анджелесе, состоящий из сети каналов и напоминающий Венецию. Создан в начале XX века табачным магнатом Эбботом Кинни.

хотелось попробовать на вкус.

Что касается женщины, то студенты Аризонского университета, где я работала библиотекарем, могли бы назвать ее *камнефейс*.

Девять лет я провела в Юго-Западном университете по докторской программе в области классической литературы. А потом случилось чудо. Несмотря на то что диссертацию я так и не представила, финансирование не остановили, а мне предложили в обмен на тридцать часов в неделю в библиотеке квартирку за пределами кампуса по цене ниже рыночной и годовую стипендию в размере двадцати пяти тысяч долларов. Официально я трудилась над большим, размером с книгу, проектом под названием «Акцентуационный пробел: суть пустот у Сафо». В том году меня, по результатам моей неспешности, назначили в новый консультативный комитет, включающий в себя деканов обоих отделений, как английской, так и классической литературы, так что оставаться незамеченной уже не получалось.

В марте я встретилась с ними в «Panera Bread», где за панини – салат «Напа» с миндалем и цыпленком для директора отделения классики в пасхальном свитере с пятнами от кофе и салат с тунцом для директора отделения английской литературы с распухшим от красных угрей носом – они и поделились со мной новостью: к осеннему семестру мне надлежит представить полный черновой вариант диссертации, а иначе финансирование будет прекращено и меня выставят

вон. Шевелиться быстрее я пока еще не стала.

Дело не в том, что я охладела к Сафо, хотя отчасти так оно и случилось, ведь мы прожили вместе девять лет. Просто где-то на шестом году до меня стало доходить, что основное положение моей диссертации, весь ее смысл ошибочны. А точнее – полная чушь. Но как поправить ситуацию, я не знала и поэтому просто тянула.

В своем исследовании я исходила из общепринятого предположения, что стихи Сафо написаны от первого лица. Ученые – кретины, они терпеть не могут загадки и не переносят любую неспособность заполнить пробелы. Они – жертвы, как и все мы, стандартного мышления: стараются помещать в паттерн каждый фрагмент информации. Они хотят, чтобы мир обрел смысл. А кто не хочет? Поэтому, читая Сафо, они берут уже установленные – или считающиеся установленными – факты ее жизни и ими заполняют лакуны. Но поступая так, они ошибаются, подобно тому психологу, который, выведав три факта из детства пациента, убеждает себя в том, что знает его от и до.

В своей книге я выражала ту мысль, что многочисленные подчистки в стихах Сафо следует воспринимать как намеренные. Да, верно, сама Сафо ничего не подтирала и не выбрасывала. Это происходило само собой, с течением времени, начиная с 600 г. до н.э. Большая часть созданного ею пропала, из 10 000 строф до нас дошли 650. Я же стремилась доказать, что попытки представить эти пустоты как тво-

рения самой Сафо есть не столько сотворчество, сколько заполнение пробелов тем малым, что известно нам о ее жизни, создание новых значений из желания творить нашу собственную историю и, самое главное, проецирование на них личности чтеца, его Я. В моем понимании, прекратить это проецирование можно только одним способом: рассматривать пропуски как намеренные, как часть текста. Была или нет Сафо лесбиянкой, предпочитала ли мужчин помоложе, была ли гипер- или бисексуалкой, имела ли множество любовников-мужчин – все это следовало забыть. Если уж мы готовы приписывать чему-то какое-то значение, то давайте делать это с тем, что есть, а не с тем, чего нет.

К несчастью, это предложение было полнейшей фигней. У меня самой сложились очень непростые отношения с пустотой, бессодержательностью, небытием. Иногда мне хотелось просто заполнить ее – я боялась, что, если не сделаю этого, она съест меня заживо или убьет. Но иногда мной овладевало желание полностью раствориться в ней – прекрасной, молчащей стертости. Желание исчезнуть, пропасть. Так что я сама была более всех виновна в проецировании некоей программы. Я сознавала это и потому не подстегивала себя с работой. Не знаю, догадывался ли о том же кто-то из моего консультативного комитета. Но теперь меня собирались посадить на мель, и я сообразила, что, может быть, даже паршивая книжка лучше, чем вообще ничего.

В общем, все продолжалось по-прежнему. Я не хотела

уходить, чтобы заняться чем-то «настоящим», и к тому же так и не определилась с тем, что могла бы делать. Большую часть рабочего времени я проводила в библиотеке, среди студентов, от которых и слышала такие слова, как *камнефейс* и бррр-бэггер². Так они называли женщин с привлекательным телом и некрасивым лицом, и на Эббот-Кинни такая, на мой взгляд, определено была одна. Идя за ней следом, я старалась не отставать. Выражение лица, когда она повернулась, чтобы сказать что-то идущему рядом с ней мужчине, было строгое, черты выразительные – выступающий нос и подбородок, но к этому прилагались хорошие волосы и роскошное тело. Она была в коротеньких темно-синих шортах, из которых скромно выглядывали краешки ягодиц. Меня даже потянуло дотронуться до них. Все, что она говорила, проходило через фильтр осознания привлекательности ее задницы, и слова представлялись как приложение и обрамление заключенного в шорты великолепия. Сама она в некотором смысле служила носителем для шорт и задницы. Идя по тротуару, она слегка пританцовывала и трогала волосы. Ее спутник был не лучше. Он не только задавал дурацкие вопросы: «Вы давно здесь живете?» и «Вам нравится?», но и пользовался каждым случаем ради демонстрации собственной крутости. Зачем они вообще разговаривали? Зачем тратили на это вре-

---

² В оригинале *butterface* и *brown bagger*. *Butterface* – искаженное от *but her face*, букв. *если бы только не физиономия*; *brown bagger* – от *brown bag*, пакет из грубой коричневой бумаги.

мя? Почему не трахались прямо здесь, открыто и у всех на виду? Весь этот перформанс был не более чем контейнером для чего-то еще. Это и была пустота, ничтожность.

Конечно, в сравнении с большой ничтожностью – пустотой, отсутствием четкого и ясного смысла в жизни, тем фактом, что никто из нас не ведал, что здесь происходит, – это было по крайней мере что-то. Их участие в танце вознесения дурацкого ресторана к вершине значимости, обсуждение чайного гриба, придание значимости мимолетному, шорты – все это было посланием пустоте и ничтожности: да пошла ты. С другой стороны, эти детали были симптомами их неосведомленности относительно пустоты. Неужели они настолько не замечали ее, что вот такие вещи могли что-то значить?

Возможно ли, чтобы все пребывали в неведении? Возможно ли, что осознание великого ничто, войда, приходит к нам, может быть, однажды или дважды, например на прощании с кем-то очень близким, когда ты выходишь из похоронного зала и на кратчайший миг само твое существование теряет вдруг смысл. Или такое случается в плохом грибном трипе, когда твои товарищи кажутся пластиковыми? Возможно ли, что на этой земле есть люди, которые ни разу не останавливались хотя бы на мгновение, чтобы сказать: а что есть все?

Существуют такие люди или нет, никто из них в ту секунду этот вопрос не задавал. Тошнило их от незнания того, за-

чем мы здесь и кто мы есть, или нет, в любом случае они сознательно и вполне благополучно этот вопрос игнорировали. А может, были просто глупы. Ах, этот сладкий дар глупости! Я так завидовала им.

Но вообще-то я знала, что все сводится к ее шортам. Все ответы заключались в линии задницы, она затмевала все и была общим знаменателем всех страхов, всего ничто, всего непознанного. Во всем этом она была сама по себе. Она просто существовала, как будто жить – это вот так легко. Ей даже делать ничего было не надо, но она просто заправляла всем этим шоу. Все диалоги начинались и заканчивались на линии задницы. Направление их вечера, их разговор и даже в некотором смысле вселенная – все заканчивалось там. Вселенная. Я ненавидела их.

Ненавидела их легкость во всем. Ненавидела их дефицит одиночества. Ненавидела их понимание времени как чего-то лениво растянувшегося вдаль, чего-то, с чем можно играть, как будто для них никогда не наступит поздно – ни сегодня, ни в жизни вообще. Я даже не знала, кем возмущалась больше: мужчиной или женщиной.

2

Я всегда чувствовала, что быть мужчиной – хорошо. Не только потому, что мне хотелось иметь свой собственный член – разгуливать, чувствуя между ногами эту ношу, эту силу, – но и потому, что бремя времени, которое взвалило на меня тело, тяготило. За это, за то, что его время никак не обременяло, я и возненавидела немца на Эббот-Кинни. Женщину я возненавидела тоже – за то, что такая молодая, за то, что еще долго останется привлекательной и, может быть, даже заведет ребенка.

Я никогда не хотела ребенка. Никогда не испытывала того желания, которое, по словам многих женщин, внезапно накрывает их. Уж тридцать восемь минуло, и я все ждала, ждала, когда же, когда, но оно так и не нагрнуло. Так что я всегда относилась к этому без особого трепета, как к чему-то немножко противному, вроде кусочка лука, без которого предпочла бы обойтись.

Но мне хотелось бы сохранить опцию «иметь ребенка» на случай, если такое желание все-таки возникнет. Приятно, когда перед тобой будущее. Говорят, молодые проматывают молодость впустую, и я согласна, что это и мой случай, но в одном я оценила ее по-настоящему. Я ощущала свое преимущество. Мое не вполне серьезное отношение к вопросу о детях объяснялось отчасти тем, что я всегда чувствовала,

как мне повезло: придет день, и я смогу сама решить, чего хочу. Приятно сознавать, что этот день где-то там, далеко, что в моем распоряжении куча времени. Это воспринималось как роскошь.

Втайне я всегда осуждала женщин, сожалеющих о том, что у них нет детей и они уже не в том возрасте, чтобы ими обзавестись. Осуждала я их, наверное, потому, что боялась стать такой же. Но вот мне уже тридцать восемь, и время пошло на убыль. Я по-прежнему не хотела ребенка. Не представляла, что бы стала делать с ним, если бы он у меня появился. Но то открытое окно возможностей закрылось. И если бы девица в шортах заметила меня сейчас, то отнеслась бы критически, как и я сама относилась к сверстницам.

Еще ей могло бы не понравиться, что я не замужем. Когда мы только познакомились с Джейми, я сказала, что брак, как архаическая декларация права собственности, не для меня. Он сказал «хорошо», потому что его это тоже не устраивает. На четвертом году наших с ним отношений я отчаянно хотела, чтобы Джейми попросил меня выйти за него замуж, пусть даже потому только, что он этого не делал. Тяги к драгоценностям я никогда не испытывала, но что-то во мне желало этого колечка. Прилюдно я разносила в пух и прах кровавые брильянты, сама же потихоньку рассматривала чужие кольца, узнавая виды и формы огранки: кушон, изумруд, принцесса. Женщины, как я заметила, гораздо чаще пользуются левой рукой, чем правой, когда разговаривают, жестикули-

руют или отбрасывают волосы. Все для того, чтобы покрасоваться. Они как будто говорят: «Посмотрите, вот как меня ценят. Вот как меня желают. Я благополучно добралась до другого берега».

Но что бы я делала, будь я замужем? Что бы делала, будь на моем месте Джейми или я на его? Выбор в пользу Джейми был более символом страха перед близостью с моей стороны, чем с его. Когда мы познакомились, у меня голова пошла кругом: геолог, под 190, красавчик в жилетке «L.L.Bean travel», с золотым загаром, небритый, с каштановыми волосами, на десять лет старше. С ним я чувствовала себя особенной. Работая со своим университетом в пустыне, он получил грант от Американского геологического фонда на создание серии документальных фильмов о национальных парках. Режиссурой и монтажом Джейми занимался сам и благодаря гранту получил возможность свободно путешествовать и продюсировать. Хотя фильмы шли в два часа ночи по нескольким кабельным каналам, никто бы не сказал, что у него не получилось. «Я скорее с учеными, чем с художниками», – говорил он, но очарование художника у него было.

В наши первые годы вместе я часто приезжала в те места, где он работал. Проводила отпуск в Национальном парке Акадия, в заповеднике Глейшер, в Национальном парке Йосемит. Джейми уходил на весь день на съемки, а я знакомилась с окрестностями и приносила небольшие сувениры. Он любил слушать мои рассказы о том, где я была и что видела,

поправлять мои ошибки в названии местных достопримечательностей. Больше всего мне нравились озера и океаны, реки и водопады – в пустыне не было ничего подобного. Бегущая вода и путешествия вообще создавали иллюзию, что жизнь движется вперед, несмотря на отставание с диссертацией. Я идентифицировала себя с работой. В этом было что-то авантюрное.

Но потом Джейми переключился на локации более пустынные: Долину Смерти, Арчес. Я обычно оставалась весь день в трейлере и ждала его возвращения. Какой смысл ходить по пустыне, если пустыня у меня возле дома? И зачем приезжать куда-то повидать кого-то, если там он такой же, как дома? То же лицо, тот же член. Та же скука долгих отношений. Я говорила ему, что остаюсь в трейлере поработать над диссертацией. Но когда меня спрашивали, чем я зарабатываю на жизнь, я коротко упоминала о моей Сафо и библиотеке и перескакивала на Джейми и его работу. Притворялась, будто меня это по-прежнему волнует. Но на самом деле меня волновало только одно: затащить его в наше воображаемое будущее.

В день нашего разрыва у меня пробило колесо на Кэмелбэк-роуд, и я позвонила ему, попросила помочь. Он приехал, заглянул в багажник и сказал: «Но у тебя же нет запаски». «Нет», – сказала я. Был поздний воскресный вечер, и все мастерские в городе уже закрылись, так что пришлось обращаться в американскую автомобильную ассоциацию. Пока

ждали, я разнервничалась и разозлилась. Сама не знаю с чего. Я вдруг увидела его другим: глупым, с рыхлым брюшком и слабым подбородком. Все округлилось. Он сидел и то цыкал зубом, то тихонько посвистывал. Бывают такие моменты, когда смотришь на человека, которого долго любил, и видишь, что в нем все не то. Все абсолютно не так, как надо. Смотришь и не можешь поверить, что пленялась им.

– Я не чувствую себя счастливой, – сказала я.

– Я бы тоже предпочел оказаться где-нибудь в другом месте, – сказал он.

– Серьезно. Думаю, нам нужно поговорить. О нас.

– Сейчас?

Я смотрела на него – такой довольный собой, располневший, с подбородком, тонущим в мясном суфле шеи. Этот подбородок напоминал второй рот, и я представила, что он-то, этот второй рот, и говорит. И что он говорит?

Покорми меня. Мне насрать, привлекательный я или нет. Мне это ни к чему. У меня есть варианты.

Это то, что он говорил всем своим видом. Каждую мою попытку поднять тему брака или даже предложение съехаться и жить вместе он встречал нервным смешком, заявлял, что я ведь и сама этого не хотела. Тот симпатичный, с точеными чертами незнакомец, которого я встретила на какой-то вечеринке, исчез, превратился в медвежонка, которого я узнала и полюбила и который превратился в еще одного знакомого. Вот вам физическая манифестация времени

и потворства себе, приведших к тому, что и незнакомец, и медвежонок почти что исчезли. Я взбесилась. Как это ему насрать? Какая роскошь, позволительная мужчине. Роскошь человека, взирающего на чинимые временем разрушения и изрекающего «А?»». Вот тогда я и сказала то, что сказала:

– Может быть, нам стоит просто расстаться.

Едва произнеся это, я поняла, что промахнулась, что угроза оказалась пустышкой. То есть пустышкой в моем представлении – на самом деле она сработала на один процент. Может быть, на двадцать два процента. Вот эти двадцать два процента и отдавались теперь. Я рассчитывала всего лишь продырявить эту томительную, давящую вечернюю скуку, ожидание спасения. Я хотела драмы, пусть только для того лишь, чтобы прервать ничтожность каких-то поломок, тяготу необходимости жить в этом мире, зависеть от вещей, зависеть от других, ожидания помощи в компании с говорящим подбородком. Я хотела заставить его попытаться остановить меня, вмешаться. Может быть, хотела немножко его уколоть. И больше всего я хотела услышать «нет». Но он не сказал «нет». Никоим образом. Он посмотрел на меня, вздохнул и спокойно сказал:

– Думаю, может быть, ты права. – И тут все подбородки исчезли, и я увидела сильные плечи и глубокие синие глаза. Сколько раз, когда мы трахались и его живот подпрыгивал на мне, я старалась смотреть в глаза – вызывая то притяжение, что возникло, когда мы только встретились. Теперь вдруг я

только это и видела.

– По крайней мере, – добавил Джейми, – мы могли бы попробовать расстаться на какое-то время.

Вот так мои слова произвели эффект, противоположный задуманному. Или, может быть, не совсем противоположный. Взяв наживку, но помчавшись с ней в совершенно неожиданном направлении, Джейми определенно ткнул булавкой в мою скуку и раздражение. Страх – по-своему сильный интоксикант. Это вам подтвердит любой, кто подсел на адреналин. Рискнув в данном случае, я одним предложением, несколькими раздраженными словами усложнила свою позицию.

Теперь инициатива и контроль за ситуацией перешли к нему. Джейми мог делать со мной все, что хотел.

Я решила, что единственный способ вернуть утраченное – продолжить в том же духе. Не паниковать, сыграть спокойно и рассудительно. Я подумала, что единственный способ все восстановить – это продолжить.

– О’кей. Если ты так хочешь.

Джейми заявил, что нет, он так не хочет, но не представляет, что делать, и чувствует, что уже давно не может удовлетворить меня в наших отношениях.

– Удовлетворить меня или себя?

– Ну, может, понемножку того и другого.

Потом приехал парень из ААА, и Джейми взялся объяснять, в чем дело. Я слышала, что они говорят, но вникнуть в

суть не могла, поскольку обдумывала случившееся. Наверно, надо было держать рот на замке. С другой стороны, я чувствовала, что осталась верной себе. Вот только которой себе? Той себе, которая хотела немножко все встряхнуть, чтобы получить свою долю внимания и обожания? Той себе, которой требовалось встряхнуться, потому что боль от жизни в материальном теле так охренительно притупилась? Какой-то высшей себе, которая изрекла, что он не хорош для меня? Тем двадцати двум процентам меня, которые оказались полной задницей?

– Давай-ка хорошенько это обдумаем, – сказал Джейми после того, как они поставили запаску. – Спешить нам некуда, никто нас не гонит.

– Обдумаем вместе или порознь? – спросила я.

Вместе или порознь – для нас это всегда был большой вопрос. Джейми хотел, чтобы мы бывали вместе не больше двух ночей в неделю. Я проталкивала четыре, и когда оставалась в квартире одна, мне так недоставало его объятий. Я всячески намекала на то, что располагаю свободным временем. Я напивалась белым вином и напрашивалась, умоляла, делала все, чтобы только чувствовать себя желанной, знать, что меня всегда примут. То была потребность, стоявшая на отсутствии потребности. Поэтому я была за больше «вместе». Но когда я оставалась с ним, близость никогда не получалась такой, какой мне хотелось. В его присутствии я задыхалась. Когда он не отталкивал меня, близость отвращала.

– Наверно, сегодня будет лучше побыть врозь. А еще завтра и во вторник. Может быть, неделю? У меня куча работы, и хорошо бы попробовать сейчас, оценить, посмотреть, как оно пойдет.

– Конечно, – сказала я, хотя и испугалась.

Он поцеловал меня в лоб.

– Люблю тебя.

– Да, о'кей.

– Ох, ну не надо, Люси. – Он вылез из моей машины и захлопнул дверцу.

– Извини! – Мой голос потащился за ним следом.

3

Я позвонила ему тем же вечером.

– Так мы ведь не разошлись по-настоящему?

– Думаю, мысль правильная, – сказал Джейми. – Знаю, тему подняла ты, но мне такой вариант действительно нравится.

– И что это значит? На сколько мы расстаемся? Это же временно, да, а потом мы снова будем вместе, так?

– Давай не торопиться, потихоньку, полегоньку...

Я попыталась и не смогла представить его таким, каким видела днем: грузноватым, не способным решить мою проблему, закрытым. Теперь он был тем же, что в начале нашего знакомства: с крепким, решительным подбородком, сдержанным, вроде тех красавчиков, что носят гортекс. Я снова видела его как отдельную личность, не приставку ко мне или нечто, что приходится умасливать или терпеть, но как самостоятельное существо – с чувством юмора, настоящего мужчину, что бы это ни значило. Увидев, что потеряла, почувствовав тяжесть потери, я опустилась на кровать. Губы съехали уголками вниз, в животе что-то перевернулось. К глазам подступили слезы. Я не плакала уже несколько лет и чувствовала, что если дам слабину, то уже не остановлюсь, пока не выплачусь досуха. Я боялась, что со слезами из меня выйдет что-то еще, что увижу не только я сама, но и другие.

Я боялась, что чувства съедят меня заживо. Чувства – роскошь для молодых или тех, кто покрепче меня, кому легче быть человеком. Лить слезы было слишком поздно. Оставалось только двигаться дальше по той же дорожке, вопреки раздражающему оптимизму жизни. Спрашивать, куда иду и то ли это место, куда я на самом деле хочу, не полагалось. Не полагалось даже спрашивать, иду ли я вообще куда-то. Я и не спрашивала, а только всхлипывала.

Вот так началась меланхолия. Дни плача, когда ни с того ни с сего в самых неудобных ситуациях – на работе, в банке, в очереди к кассе в «Whole Foods», если на глаза попадался его любимый протеиновый порошок, – моя душа задыхалась от щемящего чувства потери. Как будто этот самый порошок был им или претворился в него. Так странно – ты знаешь человека, знаешь марку его любимого протеина, его любимый вкус (ваниль с миндалем), а потом глядь – его уже нет. Я не звонила, не посылала сообщений. Рыбы по гороскопу, никогда не умевшая сдерживаться, на этот раз я настроилась наказывать его молчанием, заставить захотеть меня. Скоро, скоро вернется, твердила я себе. Должен вернуться.

Прошло четыре дня. Ничего. Я начала злиться. Восемь лет – и теперь вот это? Даже не осведомится, как у меня дела? А вдруг я уже умерла? Он позвонил на шестой день. Пожелал узнать, как я держусь.

– Не очень. А ты?

– Ужасно. Совсем не сплю.

Слава богу, подумала я.

– Знаю. Все это так глупо. Думаю, надо остановиться. Хорошего понемножку.

– Мне нужно еще чуточку.

– Разве ты не можешь просто прийти? – взмолилась я.

– Не думаю, что это такая уж хорошая идея. Может быть, через несколько недель?

– Несколько недель? И сколько же еще это продлится?

– Не знаю. Люблю тебя.

– Да пошел ты! – крикнула я в сердцах и ткнула пальцем в кнопку «отбой».

А потом отправила сообщение.

извини.

мне больно и страшно.

простишь?

я тоже тебя люблю.

Джейми ответил:

давай просто не будем спешить.

4

Потом была obsессия. Я начала читать свои и его (Джейми – Стрелец) недельные гороскопы, анализируя каждое слово, выискивая скрытое указание на то, что вселенная готовится снова свести нас вместе. Если в одном гороскопе ничего не говорилось о любви, я брала другой, третий и читала, пока не находила устраивающий меня, в котором говорилось, что этот день (неделя или месяц) удачный для моего знака. Я даже консультировалась с медиумом, старухой, работавшей в средиземноморском ресторанчике в Темпе. Она сказала, что мне нужно сосредоточиться на себе, поработать над собой, и тогда мои «блоки» откроются. Кроме советов, старуха предложила порошок из кварца, который полагалось добавлять в ванну и который должен был очистить меня от негативности. Я купила его за 250 долларов и долго в нем отмокала. Никакого результата. Пришлось обратиться к другим медиумам.

В какой-то момент я поняла, как много времени провела с Джейми. Хотя вернее было бы сказать, как много времени я провела одна, но по крайней мере зная, что он у меня есть. Теперь было по-другому, я оказалась совершенно одна, без всякого запасного варианта, человечка-подушки. Начать с того, что друзей в Фениксе у меня вообще было немного. Рошель, профессор антропологии, которая и познакомила меня с Джейми, уже была замужем, когда мы встретились.

За сорок, с короткими вьющимися волосами, похожими на лобковые – про себя я называла ее прическу «мочалка», – она не пользовалась косметикой и жила в полном согласии с собой. К счастью, нашелся мужчина, который не только с удовольствием трахал ее, но и женился на ней. Мне всегда было интересно, послужил ли этот факт источником ее уверенности или именно присущая ей уверенность привлекала мужа.

Когда Рошель познакомила меня с Джейми, мне едва исполнилось тридцать, я, располагая такой роскошью, как время, не тревожилась насчет будущего и не ведала, что такое отчаяние. Наверно, она сочла меня нормальной. На протяжении нескольких лет мы регулярно встречались примерно каждые полгода в одном и том же колумбийском ресторанчике, обменивались одними и теми же шуточками насчет Джейми и ее мужа – оба храпели и вели себя как дети при малейшей простуде. Во всех безобидных выпадах присутствовало наигранное благодушие: *мол, я знаю, что этот мужчина – мой. Он никуда не денется, и я могу как оставить его при себе, так и бросить.* Я притворялась, что не хочу выходить замуж, не хочу съезжаться и жить вместе и мне вполне хватает того времени, что я провожу с ним. Посмотреть со стороны – женщина, довольная тем, что есть, которой никого и ничего больше и не нужно.

Теперь же я цеплялась к Рошель как репейник, забрасывала ее вопросами, выпытывала, где живет Джейми. Расспросы

сопровождались невротическими заверениями с моей стороны, что все в порядке, он обязательно вернется, неясно только, когда именно.

В те первые недели одно присутствие рядом с ней создавало иллюзию связи с Джейми, хотя говорила Рошель мало. На меня она смотрела так, словно я подцепила какую-то жуткую заразу, которая, как ей представлялось раньше, ни одной из нас не грозила. Играя длинными серьгами из бисера, Рошель сообщила, что не видела его уже довольно давно и не хочет вмешиваться в наши дела. А потом на глаза мне попалась фотография в Фейсбуке – они сидели рядом на вечеринке по случаю чьего-то дня рождения. У каждого по бокалу с вином, перед каждым тарелочка с фланом – все как у цивилизованных, чтоб их перекосило, людей. Рошель меня предала.

Я будто рассталась с собственным телом; голова окунулась в туманное облако, руки и ноги перестали слушаться. Я начала покуривать травку, чего не делала лет пятнадцать, и в библиотеку приходила под кайфом. Работа над книгой застопорилась. Хотелось только одного: прилечь и сунуть в рот или залить в себя что-нибудь сладкое и жирное – шоколадный напиток из «Старбакса», мини-батончик «Херши», жевательную конфету, чипсы тортилья с сырным соусом начос. Кость у меня легкая, тонкая, и с лишним весом проблем не возникало; если где-то и откладывалось что-то, то только на бедрах. В одежде я предпочитала свободные юбки и платья из хлопка и широкие льняные штаны, которые многое

скрывали и в которых я выглядела обманчиво миниатюрной, эльфом или пикси. Но так было раньше, а теперь, сняв штаны, я каждый раз обнаруживала на талии полоску от тугого эластичного пояса.

Ни с того ни с сего меня потянуло к рукоделию. Мне определенно требовалось какое-то творческое самовыражение, художественный заказ, но отсутствие ясности мысли не позволяло заняться Сафо. В ближайшем магазине «Сделай сам» я купила пистолет для горячего клея, бусы, иглы и принялась шлепать бусинки на пустые бутылки, превращая их в «вазы». Ходить в библиотеку я вообще перестала. Сказала, что беру недельный отгул для работы над книгой. Другие библиотекари согласились меня прикрыть. Моя квартира напоминала общежитие, объединенное с художественной выставкой. Спать я не ложилась – всю ночь наклеивала бусинки. За первой неделей потянулась вторая. В конце концов я все же притащилась в университет, но от бессонницы не отделалась и на работе пряталась в туалетных комнатах, где отсиживалась на унитазе, закрыв глаза.

А потом все же пришел Джейми.

– Чувствую, что готов встретиться, – сказал он, и мы отправились в наше любимое мексиканское заведение.

После нескольких коктейлей Джейми нашел мою руку под столом, и мы долго смотрели друг другу в глаза. Я уже и не помнила, когда у нас было такое, чтобы мы не отвлекались даже на звонки. После обеда мы сели в его машину. Он по-

другому пах, как будто за то время, пока мы не виделись, его вымочили в лакрице. А может, то была кинза. Джейми отвез меня домой и прошел за мной наверх. Я пошла на кухню за водой, а когда вернулась со стаканом, он сидел на софе.

– Иди сюда.

Я подошла и села ему на колени. Поднесла стакан к его губам. Он выпил, поставил стакан на стол и поцеловал меня. А потом раздел, уложил на софу и торопливо разделся сам. Я смотрела на него в темноте. Мы перепихнулись на софе – по-быстрому, беспрестанно целуясь. Я не кончила. Никогда не кончала от траха. Отсутствие инициативы с его стороны всегда служило у нас источником разногласий. Свою часть работы он выполнил с готовностью, но без вдохновения. И пока трахал меня, прижимаясь ртом к моему рту, меня не покидало чувство, что его рот на моей вагине. На ночь Джейми не остался.

Потом позвонила Рошель.

– Девушка, с которой он встречается, занимается наукой. Блондинка.

– Так он с кем-то встречается?

– Думала, ты знаешь.

Звали эту женщину Меган, и она была младше меня на пять лет. Ничего больше Рошель о ней не знала. Наткнулась на них случайно в одном китайском ресторане.

– Можешь узнать что-то?

– Постараюсь.

Мне показалось, она уже устала от моих расспросов. Или даже не столько устала, сколько боится меня. Рошель всегда считала, что мы обе застрахованы от опасного женского безумия: отчаяния и неудовлетворенности. Но теперь и я подхватила эту болезнь в крайней форме, и она видела, что со мной стало. Только что ты в шутку жаловалась, что твой мужчина портит воздух, и вот уже готова убить ради того, чтобы вернуть те самые пуки. А не заразен ли недуг? Не подцепит ли она его от меня? Не угрожает ли опасность ее благополучию и покою? В надежде на информацию я отправила ей три сообщения, а в ответ получила одно:

оч.занята

Меня так и тянуло выразить ей свое недовольство, сказать, что она бросила меня и предала, что единственная причина, позволяющая ей сохранять уверенность в себе, это слишком большая инерция в ее отношениях, из-за которой муж и не уходит от нее. Я хотела сказать, что это не причина, чтобы чувствовать себя уверенной и уж тем более гордиться собой. Но отправлять ее на полный карантин мне не хотелось. Она еще могла пригодиться.

Так что я прописала собственный сценарий. Меган была не просто ученой и именитым, отмеченным наградами геологом. Они вместе ходили в походы и обсуждали проблемы воспроизводства кактусов. Они трахались на камнях. Нет ничего прекраснее секса, которым твой бывший занимается с новой любовницей. Нет ничего более магического, полно-

го ахов и охов. Я же между тем пребывала в Шокolandии и сохранять спокойствие и не подавать виду уже не могла. Однажды вечером я припарковалась напротив его дома и сидела за рулем, пока не увидела, как он подъезжает и выходит из машины. Джейми был один. Я подождала, пока в окнах загорится свет, и только потом вышла.

Идя по подъездной дорожке, я заметила, что впервые за много лет ощущаю волнительный трепет. Может быть, чтобы на дорожке к дому твоего партнера в животе у тебя проснулись бабочки, требуется именно это? Ученая блондинка по имени Меган.

Я позвонила в звонок. Он подошел через минуту и, не спрашивая кто, открыл дверь.

– Люси.

Гнев, полыхнув в груди, охватил меня всю.

– Пошел в задницу, козел хренов! – выпалила я и врезала ему по физиономии.

Я никого раньше не била. И ничего такого не планировала. У меня вообще не было никакого плана. Мы оба были шокированы. Я не знала, что сказать. Из носа у него выползли две капельки крови и, сорвавшись с губы, шлепнулись на пол.

Он поднес руки к лицу.

– Сука.

– Джейми, – сказала я, – подожди, дай посмотреть. Дай мне посмотреть.

– Уйди. Просто уйди!

Он захлопнул дверь. Я повернулась на каблуках и, чувствуя себя препаршиво, пошла через улицу к машине.

В тот же вечер ко мне явился полицейский, которому поручили расследовать происшествие. Вероятно, Меган позвонила в полицию из больницы или заставила Джейми сделать это. Оказалось, я сломала ему нос. Коп сообщил, что пара не станет выдвигать обвинения, если я соглашусь пройти курс терапии. Пара? Они уже принимали решения как одно целое?

– Какая она? – спросила я.

– Э... – начал он.

– Просто скажите: лучше, чем я?

– Мэм, я буду настоятельно рекомендовать, чтобы вы получили квалифицированную помощь по вопросу управления гневом. На первый раз мы ограничимся предупреждением. Но если бы пара не была столь великодушна, вам уже сейчас грозило бы серьезное обвинение в нанесении побоев.

– Побоев! Я что, похожа на бандита?

Коп промолчал.

– Можете сказать мне кое-что? Если не принимать в расчет сломанный нос, они показались вам счастливыми?

5

Депрессия всегда представлялась мне чем-то бесформенным. Когда она проявляется ощущением пустоты, в нее можно что-то внести – «Трех мушкетеров», прогулку, – чтобы придать новую, более приемлемую форму. По крайней мере, какую-то форму можно создать внутри или вокруг нее. Но здесь было что-то новое, как густой липкий осадок. Оно имело собственную форму. Его было невозможно упрятать. Это был ужас. Что именно внушало мне ужас, я сказать не могла, но оно взгромоздилось на меня. Все другие формы поглощались им. Я лишилась сна. Был ли причиной всему Джейми? Возможно ли, что человек, так сильно действовавший мне на нервы, возымел надо мной такую власть?

Я попросила доктора выписать мне снотворное. Лекарство помогало засыпать. Но утром это вязкое и клейкое сновидение было на месте, поджидало меня. Я уже увязла в нем, и оно становилось все гуще и плотнее. Однажды вечером я выпила сразу девять таблеток. Не покончить с собой мне хотелось, но исчезнуть. Уснуть и переместиться в эфир, в другой мир. Но такое перемещение означало бы смерть, а следовательно, было попыткой самоубийства? Однако я также чувствовала, что боюсь смерти или, по крайней мере, боюсь умереть. Нет ли чего-то такого, что и не смерть, но и не здесь?

Я проснулась через четырнадцать часов. Голодная. Пон-

чки! Мне жутко хотелось пончиков. Еще дурная после таблеток, я села в машину, и... все остальное смешалось в неясное пятно. Должно быть, отрубилась. Помню только, что очнулась на дороге: машина стоит на шоссе, я в ночнушке, пончики – с желе, в пудре, с кремом – рассыпались по всем сиденьям. Позади меня гудели машины, но я никак не могла сообразить, что нужно делать, да так и уснула за рулем посередине дороги.

Через какое-то время меня разбудили. С правой стороны, там, где пассажирская дверца, стоял, наклонившись к окну, полицейский в форме. Он спросил, могу ли я выйти из машины. Я кое-как выбралась. Помню, в голове еще ворочалась тупая шутка про полицейских и пончики. Потом до меня дошло: а ведь коп тот самый, что приходил ко мне домой насчет разбитого носа Джейми.

– Привет, – сказала я.

Он проверил меня на алкоголь. Показатели были нормальные. Поискал в салоне наркотики – не нашел.

– Вообще-то, я болею. Сначала с парнем порвала, теперь вот какой-то грипп. Отправилась за пончиками – сахара не хватало – и, должно быть, потеряла сознание. Уверяю, если вы отпустите меня домой, я буду в порядке.

– Разрешить вам вести машину в таком состоянии я не могу. Вас может кто-нибудь отвезти?

Джейми? Раньше моим контактом на всякий непредвиденный случай был он. Но теперь я не хотела, чтобы он ду-

мал, будто мне что-то нужно от него. Нет уж, пусть думает, что у меня все офигительно прекрасно. Но как же на самом деле было тошно. И страшно. А если это мой второй страйк? Отправят ли меня в тюрьму? Я хотела только одного: чтобы меня оставили в покое. Если бы не полицейский, я бы съехала на обочину, немного отдохнула и пришла в себя. Так не хотелось попасться кому-то на глаза в одной ночнушке.

– Можете позвонить моей сестре.

Я дала ему номер моей сестры Анники, но не сказала, что она живет в Калифорнии. Он оставил ей голосовое сообщение: мол, мне стало плохо на дороге и не могла бы она приехать и забрать меня.

Будет Аннике над чем поломать голову.

– Мы можем позвонить кому-то еще? – спросил полицейский.

– Я буду в порядке. Правда. Мне уже лучше.

– Придется попросить вас проехать в ближайший переулок и припарковаться. Потом соберите пончики, и я отвезу вас домой.

– Вот и отлично. Вы же знаете, где я живу.

6

– Тебе надо убираться оттуда к чертовой матери, – сказала Анника. – Не знаю, что там за инцидент с пончиками, но что-то определенно не так.

– У меня все хорошо.

– Послушай. Мы со Стивом уезжаем из города на все лето. Сначала в Прованс – на конференцию по йоге, потом на две недели в Будапешт, еще месяц в Риме и на еще одну конференцию. И да, на фестиваль «Burning Man» с одним из стартапов Стива. Нам нужен кто-нибудь, кто присматривал бы за домом и Домиником. Заботился о нем, давал лекарства. Прилетай сюда. Проведешь здесь лето. Вылезай из этой своей пустыни. Для тебя это аюрведический кошмар.

– Не знаю, смогу ли я позволить себе отпуск в целое лето. – Обычно я выполняла какую-то библиотечную работу, даже когда занятий не было.

– Сможешь. Что с теми деньгами, которые оставил тебе папа?

Вообще-то, Анника – моя сводная сестра и на девять лет меня старше. У нас один отец. Умер он во сне в восемьдесят шесть лет, оставив каждой из нас по 20 тысяч долларов.

– Потратила на экстрасенсов. Остальное отложено на случай, если умру в одиночестве. На кремацию.

– Я заплачу за твою кремацию. И оплачу твое проживание

здесь. Хочу, чтобы ты позаботилась о себе. Поешь здоровой пищи, походи в спа – ну и все прочее. Забудь о Джейми. Выброси его из головы. Знаю, он – корень всех зол, хотя ты этого и не признаешь. Ты всегда теряла голову из-за мужчин. Думаешь, я не помню, что было, когда тебя в средней школе бортанул тот поэт? Папа нашел тебя в подвале, голую, со столовым ножом.

– Нож был для масла. Я пыталась открыть банку с ореховой пастой. Гуляла.

– Неважно. Я разговаривала с полицейским. Ты сломала Джейми нос? Тебя хотят направить на терапию, и я собираюсь это устроить. Определить в группу. Спрошу у своего парня, знает ли он что-то приличное. Тебе нужно быть с женщинами, а не с мужчинами. Тебе нужно заняться делом.

– В группу? Анника, нет, только не...

– Хорошо, значит, решено. Ты приезжаешь сюда четвертого июня и остаешься до десятого сентября. Перед фестивалем я на неделю вернусь, тогда и потусуемся. И я заплачу тебе вдвое больше, чем ты получаешь в библиотеке, за Доминика. В любом случае мне пришлось бы кому-то платить.

– Ни в какую группу я не пойду. И никаких денег у тебя не возьму. Но, может быть, выбраться смогу. Надо договориться с библиотекой.

– Хочешь, чтобы тебе предъявили обвинение? Если нет, то пойдешь на терапию. И конечно, я тебе заплачу, так что все, хватит.

Больше я возражать не стала. Деньги мне были нужны, и у Анники они водились. В большом количестве. Тонны денег. В конце 90-х она занялась йогой, приобрела студию-мастерскую в Санта-Монике и разработала линию по производству ковриков из бамбука. Потом коврики появились в «Yoga Journal», где на трех страницах рассказывалось об их биоразлагаемых качествах и прекрасной текстуре для асан. Через два дня ей позвонили. Из «Hain Celestial». Они хотели купить патент. Потом позвонили из «Native Foods». Последовала небольшая война предложений, в результате которой верх взяла «Hain Celestial», купившая патент за 3,1 миллиона долларов. Эти деньги Анника потратила на участие в техноинновационных конференциях во времена первого доткомовского пузыря. Тогда же она познакомилась со Стивом, еврейским хиппи-инвестором, обосновавшимся в Силиконовой долине. Анника прирастила парня к комбуче, научила (как бы) расслабляться, и в итоге они поженились в Сономе. Через какое-то время моя сестра перетащила его в Венис-Бич и, воспользовавшись его деньгами, купила гигантский дом в виде куба из стекла и металла на Оушен-фронт. Примерно в то же время у них появился Доминик, чистокровный фоксхаунд, заменивший им ребенка. Анника уже давным-давно не практиковала ни аштанга-, ни виньяса-йогу – только хатха- и восстановительную – и сильно располнела. Стиву нравилась ее задница, которую он постоянно тискал. Еще он пытался, беря пример с Кенни Джи,

отрастить длинные волосы и мимоходом успевал управлять инвестиционной фирмой с офисами в Сенчури-сити. На работу Стив ходил в льняных шортах. Вместе они посещали хиппи-синагогу в Малибу и были счастливы.

Теперь их раздражала очередная, новейшая волна джен-трификации, которую агенты по недвижимости уже называли «Силикон-бич» и которая захватывала весь Венис. Новые яппи, сияющие и упитанные, напоминали юные упругие задницы. Одежда, продававшаяся на Эббот-Кинни и Мейн-стрит, сохраняла отголоски бохо, но стоила теперь тысячи долларов и предназначалась для богатых хиппи. Аннику это беспокоило не так сильно, как наступление сетевых магазинов, бездушных и предлагающих вещи более качественные.

– Здесь будет один сплошной молл для милф, – говорила она. – Скоро это будет тот же Феникс.

Но стать похожим на Феникс Венису не грозило – из-за бомжей. Феникс никогда бы не допустил существования такого шумного комьюнити бомжей. Их всех отправляли в Лос-Анджелес. Если вы бездомный и не живете в Венисе, значит, делаете что-то не так. Венис принимал всех. Они заняли лужайки между пляжем и Оушен-фронт, раскинув под солнцем палаточные лагеря. Мет и героин были здесь в избытке, как и бродящие в наркотическом ступоре молодые люди, босые, в армейских обносках, грязные. Хватало и других, пробывших здесь дольше, закореневших, будто грязь въелась намертво в кожу, воняющих мочой, дерущих-

ся с безумными джанки. Они устраивали шумные разборки, держались за руки и разговаривали сами с собой. Вечерами они уходили с пляжа на Третью улицу, разбивали палаточный городок на два квартала, а утром уходили, оставив мусор, дерьмо и спальные мешки. Их никто не тревожил.

Когда я приехала туда в первый раз, Венис показался мне странным: столько миллионеров, а живут среди бездельников и бездомных. Если человек приехал сюда в последние десять лет, значит, он либо владелец дома за миллион долларов, либо спит на тротуаре перед одним из таких домов. Тот приезд обернулся катастрофой. Виделись мы с сестрой редко, хотя я много лет обещала выбраться на побережье. Мне никак не удавалось совместить наши с Джейми графики и вообще заинтересовать его поездкой, а ехать одной – сблизиться и откровенничать – без него в качестве буфера было боязно. Я не хотела, чтобы меня рассматривали вблизи, не хотела и сама присматриваться к себе.

– Приезжай сама, – всегда говорила Анника. – До него мне дела нет, я тебя хочу увидеть.

Легко так говорить, наслаждаясь комфортом сожительства. Ее независимость, настоящая, неподдельная в некие далекие времена, была теперь перформансом. Как она могла осуждать меня за нежелание приезжать без Джейми, если Стив таскался за ее задницей, как верный шерпа? Что сестра осуждает меня, я чувствовала, даже если на самом деле она

и не осуждала. Вот так наша встреча и откладывалась из года в год. Потом случилось так, что Джейми собрался снимать в Джошуа-Три, и мы решили, что я отправлюсь в Венис ближе к концу поездки, а он встретит меня там на эйрстриме.

В день вылета я так нервничала, что в самолете напилась. Не знаю, уловили ли запахок Анника или Стив, но посматривал он на меня как-то странно. Я сидела на заднем сиденье их машины и смотрела, как он заботливо и бережно растирает ей шею, когда зазвонил телефон. Джейми сообщил, что съемки продлили и приехать не получится. Я разговаривала с ним спокойно и старалась не дать воли гневу. Не хотела, чтобы Анника – и уж тем более Стив – увидела, что во мне вообще есть этот самый гнев. Думала, что если одурачу их, то, может быть, и перестану чувствовать его в себе. Но в тот вечер я так набралась белого вина, что облевала всю гостевую постель. А еще, хотя и не помнила этого потом, говорила Стиву о самоубийстве. Не грозила, что покончу с собой, но просто обсуждала достоинства этой меры как практического средства решения жизненных проблем.

Потом я вела себя хорошо. Пользовалась бродягами для триангуляции, разговаривала с ними, давала им деньги. Думала, что на их фоне и сама смотрюсь не так уж плохо. Даже придумала игру – «миллионер или бомж», – смысл которой заключался в том, чтобы угадать в растрепанном нищелюде представителя богемы. Стив, которому я предлагала делать ставки, наверно, обиделся. Потом Анника продолжала меня

приглашать, особенно после того, как у них появился Доминик, но я всегда говорила одно и то же: «скоро». Посмотреть мой мир я сестру не звала.

Теперь именно бездомные бродяги, особенно сбежавшие сюда подростки, не давали Венису окончательно превратиться в тотальный Гугл-кампус – по крайней мере, пока. Они оставляли граффити на пальмах и обеспечивали наркотрафик. Меня тянуло к ним, особенно к тем, кто помоложе. Как у них получается ничего не замечать. Как они это делают. Пальмы на ухоженных газонах вгоняли меня в уныние. Но на фоне заходящего солнца они выглядели сексуальными.

– Трахните меня, – сказала я пальмам.

Бывая на Эббот-Кинни, этой длинной улице яппи, полной современных магазинов из светлого дерева и металла и пересекающей Венис по диагонали, я чувствовала себя неуютно и ощущала больше родства с бездомными. Здесь было столько красивых женщин: двадцатилетки с длинными волосами «омбре» в изящных платьях в стиле «бохо», француженки-минималистки в черной коже и ангулярных украшениях и даже модели, из-за которых я не могла без отворачивания смотреть на свои покрытые пушком ноги. Брить их я перестала после разрыва с Джейми. Мои от природы вьющиеся волосы огрубели благодаря вторжению седины. Я больше не пользовалась хной. Творожок на бедрах выступал над тощими ножками. Но меня это все уже нисколько не трогало.

Глядя на этих красоток, я думала: а что, если, пока

я здесь, заделаться по-настоящему сексуальной? Что, если снова стать собой прежней или кем-то совершенно другим? Может быть, когда я вернусь домой, Джейми снова меня захочет?

Что для этого сделать? Покрасить волосы в золотисто-каштановый? Вернуться к помаде? Поработать над вагиной? Я всегда склонялась к тому, чтобы быть естественной, и полагала, что ученая Меган вряд ли тратится на эксплуатационные расходы, но как, оставаясь естественной, не перебрать? Я стала такой натуральной, что натурально умерла.

Пробыв в Венеции несколько дней, я отправилась на первый сеанс групповой терапии: в особую группу для женщин с депрессией и проблемами в сексе и любви. Кроме меня и терапевта, в группе было еще четверо, но все они спутались в многоголовую гидру отчаяния.

Наша терапевт и лидер Джудит определенно была не замужем. Держа в руках – без единого кольца на пальцах – керамическую чашку дымящегося зеленого чая, она периодически издавала долгие и глубокие звуки «м-м-м» и «а-а-а». Время от времени она спрашивала, какое чувство вызывает у нас то ли иное событие. Все называли ее «Доктор Джуд». Еще она коллекционировала разные штучки, и офис заполняли всевозможные безделушки: статуэтки Будды, фигурка Фрейда, лакричные пастилки, воздушные растения, старый торговый автомат с жевательными шариками, карты ангелов, таблички с надписями вроде «Что бы ты попытался сделать, если бы знал, что у тебя получится?» или «Доверься себе! Ты знаешь больше, чем думаешь!». Понятно, что никто из нас себе не доверял, иначе нас бы там не было.

Увы, наш бесстрашный терапевт была безнадежно одиночка и пыталась примириться с этим. Был ли у нее хотя бы бойфренд? Как она могла вести группу с проблемами в сексе и любви? Кому нужен совет от одинокой женщины, убедив-

шей себя, что она счастлива за счет купленных в магазине и наклеенных на стены табличек с высказываниями? И вообще, что она за доктор? Никаких ученых степеней рядом с ее именем я не увидела. Доктор любви? С желтоватыми зубами и прической в стиле Дороти Хэмилл. Желтые зубы, как мне представлялось, означали, что она приняла себя такой, какая есть, и уже не предполагала ради кого-то меняться. Ее позитивность перед лицом бездны странным образом заинтриговала меня, как может заинтриговать антрополога встреча с новой, только что открытой культурой. Но когда она, пытаюсь сказать, что мы можем быть только самими собой, процитировала Э. Э. Каммингса, я решила, что ей недостает ума. К тому же Доктор Джуд слишком часто повторяла выражение *радикальное принятие*. Я совсем не хотела радикально что-либо принимать. Я хотела, чтобы по возвращении в Феникс все стало радикально по-другому. Мне не нравилась Доктор Джуд. Но в сравнении с той катастрофой, которую являла собой остальная группа, она выглядела победителем.

Самую младшую в группе звали Эмбер. С виду лет двадцать пять – двадцать шесть, телосложение борца, треники в собачьей шерсти. В группе Эмбер находилась дольше всех и в персональном росте достигла наибольшего прогресса. О чем не преминула нас оповестить. Про себя я звала ее Куриной Лошадью – из-за вытянутой, как у лошади, головы, носа, напоминающего птичий клюв, и больших и розовых, как куриный гребешок, десен. Доказывая, как мы все не правы,

Эмбер заводилась по-настоящему.

Доктор Джуд всячески побуждала ее снова встречаться с мужчинами, но вместо этого Эмбер сосредоточилась на сомнительных взаимодействиях с людьми вообще.

– Мой босс эмоционально абьюзивный, – заявила она. – Он меня виктимизирует.

– Расскажешь подробнее? – спросила Доктор Джуд.

– Это трудно объяснить, просто у меня такое чувство. И потом, как жертва, я не должна ничего объяснять.

– Понятно.

– Это моя правда. И я боюсь донести ее до его начальства, потому что однажды так уже было. Мой прошлый босс тоже был абьюзер. Когда я рассказала об этом, все ополчились против меня, начали на меня давить, как будто я дурочка какая-то.

Дома Куриная Лошадь оказалась примерно в такой же ситуации. Судя по всему, она настучала домоправительнице на соседей, слушающих допоздна громкую музыку. На протяжении двух недель она каждый день оставляла ей голосовые сообщения и каждый вечер стучала соседям в дверь и кричала, что шуметь в девять часов непозволительно. Теперь домоправительница обвиняла Эмбер в том, что из-за нее в стене здания появилась трещина, и пыталась выселить за харасмент, что было несправедливо, поскольку это ее регулярно изводили громкой музыкой. Такова была другая ее правда.

Я так и не поняла толком, из-за чего Куриную Лошадь

определили на терапию, узнала только, что в деле фигурировали женатый мужчина и запретительный судебный приказ. Интересно, не сломала ли и она кому-то нос? Такая вполне могла бы и дом поджечь.

Рядом с Куриной Лошадью сидела Сара, остро реагируя не только на мужчин, но и на свет, чистящие вещества, плесень, пыльцу, глютен, молочные продукты и сахар. Она страдала от фибромиалгии, хронической мигрени и гипогликемии и единственная из нас всех имела особое разрешение есть во время сеанса, благодаря чему, по ее словам, воспринимала комнату для занятий как «безопасное пространство». За девяносто минут Сара поглотила два банана, нектарин, один сушеный инжир, большую упаковку изюма и два литра воды. Мне это действовало на нервы.

Из того, что я услышала, следовало, что Сара влюбилась в парня по имени Стэн, проводившего какие-то исследования в больнице, где она проработала к тому времени более двенадцати лет. Ничего не имея против секса с ней, Стэн упорно не желал связывать себя какими-либо отношениями. Опомнившись в один прекрасный день – пятьдесят один год, ни мужа, ни детей, – она решила, что с нее хватит, вступила в группу и начала программу детокса от Стэна.

Был ли Джейми таким же Стэном? Хуже того, была ли я Сарой? В отличие от бывшего Эмбер, Стэн не был женат, но при этом оставался «недоступным». Это слово за время сеанса произнесли все женщины – порознь и вместе, хором.

Доступная женщина и недоступный мужчина – вот ситуация. Но каждая из них каким-то образом убедила себя, что она тоже эмоционально недоступна. Поощряемые Доктором Джуд, они пришли к осознанию того, что их выбор недоступных мужчин на самом деле отражает недоступность в них самих. Да. На мой же взгляд, все они были чертовски доступны.

Пытаясь освободиться от Стэна, Сара на девяносто дней порвала все контакты с ним. Когда я пришла, она была на сорок третьем дне и уверяла, что у нее все прекрасно и что она совсем даже о нем не думает.

– Думаю о себе. Сегодня пойду учиться танцевать сальсу.

Сальса – это поцелуй смерти, верный знак того, что дела у женщины совсем плохи. Кто танцует сальсу? Сальса – последняя остановка экспресса-самоубийцы. Хотела Сара признаться себе в этом или нет, она была обречена сойти с рельсов.

Но, возможно, хуже всего в Саре были ее ноги. Она носила страшные белые «спортивные сандалии», которые снимала, как только садилась. Ножки у нее были маленькие, но покрытые коростой, а один ноготь совсем желтый. На протяжении всего сеанса Сара демонстрировала разнообразные виды массажа: поглаживание, растирание, растягивание, а еще ковырялась между пальцами и почесывала мозоли. Какая роскошь думать, что твои ноги заслуживают массажа на глазах у посторонних, и заниматься этим с ленивым равнодушием!

Просто поразительно, как можно быть настолько безразличным к другим людям и совершенно не принимать в расчет, что они могут подумать. В какой-то момент я даже заподозрила, что ноги у нее вовсе не болят, а ей просто нравится их гладить. Или она нарочно пытается вывести нас из себя? Тогда же я дала себе зарок: никогда не прикасаться к ее руке и ничего у нее не брать. Не знаю почему, но все это жутко меня разозлило. Какая несправедливость по отношению к остальным! Может быть, привлечь общее внимание к ее поведению? Поставить группу в известность, что из-за нее я не ощущаю эту комнату как «безопасное пространство». Потребовать введения какого-то правила касательно обуви. Но, может быть, мы обе – фрики? Она – по части массажа, я – по части беспокойства из-за пустяков?

Как я оказалась среди таких лузеров? Я терпеть не могла те слова, что были у них в ходу: *внутренний ребенок, самопомощь, близость, себялюбие*. Могла ли жизнь быть к нам еще мягче? С нами только и делали, что нянчились. Что сделала со мной Анника? Хотела ли я облегчить свои страдания? Несомненно. Но извините, учиться любить себя здесь у меня не было ни малейшего желания. Создавалось впечатление, что все они соревновались друг с дружкой в стремлении увидеть, кто самый вульгарный, но при этом себя любили больше всего. Неужели вот это и означает любить себя? Быть отвратительным?

Соседкой Сары с другой стороны была Брианна, урожен-

ка Лос-Анджелеса, слегка за пятьдесят, но закачавшая себе в щеки столько дряни, что она уже не существовала в нашем временном измерении. Лицо Брианны, вместо того чтобы стареть, растягивалось и раздувалось: пухлые рыбы губы, лоснящаяся, натянутая до предела кожа щек, с трудом удерживающая наполнитель. После неудачной попытки улучшить нос одна ноздря раздалась вширь, тогда как другая сморщилась, приобретя треугольную форму. К тому же на лице, шее и груди у нее выступила мелкая сыпь, а кожа в результате проводимых манипуляций настолько истончилась, что на щеках проступили капилляры.

Укрывшись широкополой шляпой, из-под которой свисали две длинные черные, как у куклы, косички, Брианна сообщила, что ни с кем не встречалась и обходилась без секса со времени рождения сына пятнадцать лет назад. Насколько мне удалось понять, отец ее сына иногда появлялся и даже, может быть, проявлял к ней некоторый интерес, но свои отношения они так и не оформили. Обычно они неплохо ладили, но перестали общаться после неприятного инцидента с попыткой массажа шеи, и теперь мужчина был объявлен персоной нон-грата.

С одобрения Доктора Джуд весь последний год Брианна искала мужчин в сети, отдав предпочтение двум сайтам: *Match.com* и *Millionaire Match*. Однако и на одном, и на другом у нее возникали определенные затруднения: мужчины постоянно исчезали. Она находила подходящую кандидату-

ру, вела несколько недель переписку, а потом он вдруг пропал. Лишь в одном случае избранник не исчез и даже попросил о свидании, но потом ни с того ни с сего проникся к ней необъяснимым отвращением. Однако в большинстве случаев они просто сбегали.

Последнее исчезновение было связано с человеком, представлявшимся отставным военным пилотом. Брианне это понравилось, ей вообще нравились военные, и он показался ей довольно симпатичным. Две недели бывший летун ежедневно слал сообщения – ни одного грубого слова, никаких фотографий пениса. Потом она спросила, не хотел бы он встретиться лично, и тут его как отрезало. Он даже удалил аккаунт.

– Если из-за меня, то пусть из-за меня. А если нет, то нет, – негромко сказала Брианна, поправляя лямку платья-бэбидолл. Еще она носила гольфы и туфли с ремешком. – У меня полнокровная жизнь. Очень полнокровная. И я, признаться, даже не уверена, хочу ли впускать в нее кого-то еще.

Тут Брианна вздохнула.

Из всей компании мне нравилась одна только Клэр. Британка, грубоватая и раздражительная, с длинными огненно-рыжими завитушками. Любимым выражением, которое она то и дело повторяла, было: «На хрен эту чушь». Мужа она бросила два года назад, после того как познакомилась в баре с парнем помоложе и поняла, по ее собственному вы-

ражению, что двенадцать лет не пробовала настоящего члена. Новый знакомый с удовольствием ее трахал, но к уходу от мужа не подталкивал. Ей самой пришло в голову, что они станут жить вместе. Неразбериха продолжалась шесть месяцев, они то сходились, то расходились, пока однажды в «Café Gratitude» она не запустила в него тарелкой с лапшой из бурых водорослей под соусом песто и не порвала полностью и окончательно. После девяти лет трезвой и беспорочной жизни Клэр в какой-то момент испугалась, что сорвется. Однако совсем недавно случился эпизод, больно ее задевший и разозливший. Обидчика звали Брэд, и, судя по описанию, тип был еще тот – лысый, в бейсболке, под судом, – но Клэр прониклась к нему теплыми чувствами. Они даже начали почеловечески сближаться через разговоры о смерти его матери, а потом он взял и растворился без следа. Она не стала пить, но поддалась депрессии и немного сбилась с пути.

– Сплавил подружке детей, сняла номер в отеле, чтоб никто не мешал и чтоб оторваться по-тихому. Но потом испугалась, что покончу с собой. Не знала, что делать, и в конце концов вернулась в этот чертов дурдом.

В отличие от Брианны и Куриной Лошади, Клэр получила строгие инструкции ни с кем не встречаться, пока не поработает над собой. Навалили, как она выразилась, кучу дерьма.

– Тебе, Люси, я бы рекомендовала то же самое, – сказала Доктор Джуд. – Никаких свиданий, никакого секса, никаких контактов с Джейми на следующие девяносто дней. По всей

вероятности, тебя ждет период абстиненции – возможно, он уже начался, – но в конце ты поймешь, что оно того стоило.

– Абстиненция?

– Да. Ты отвыкаешь от него, от всего прежнего образа жизни. Жизни, определяемой преследованием других, чтобы считать себя полноценной.

– И в чем выражается абстиненция?

– Люди, пережившие это, говорят о симптомах депрессии, отчаяния, бессонницы, ощущения пустоты.

– О, все то же, что и в жизни.

– Могут быть и другие симптомы: тошнота, беспокойство, абсурдные мысли и даже когнитивные расстройства.

– Отлично, буду ждать с нетерпением.

– И еще одно. Ты упомянула, что тратила деньги на экстрасенсов, медиумов, астрологов, любовные зелья. Настоятельно прошу прекратить это, поскольку такого рода увлечения лишь мешают тебе сблизиться с самой собой. А это и есть подлинное сокровище.

– Ага, – сказала я. – Жду не дождусь.

8

Лишь в одном месте на Эббот-Кинни я находила утешение и покой – в книжном магазине «Mystic Journeys». Посмотрев однажды на витрину, я увидела выложенные рядами розовые кристаллы кварца. Гугл подсказал, что розовый кварц приносит любовь. И вообще, как оказалось, большинство кристаллов дают человеку то, чего он хочет. Будь так на самом деле, в мире уже не осталось бы никаких проблем. Все получили бы желаемое, воцарилась бы тишь да блажь, или, по крайней мере, все продавцы кристаллов были бы богаты, знамениты и любимы. И, наверно, никто бы уже не продавал больше кристаллы, потому что они стали бы никому не нужны. И все равно мне хотелось верить, что магия существует, несмотря ни на что. Пришлось войти.

Настоящим хиппи я не была, но, поскольку росла с Анникой, усвоила вибрации Нью-Эйджа. Она еще в колледже стала фанаткой «Grateful Dead», следила за их выступлениями, ездила за ними и присылала мне разные мелочи, купленные на парковках: благовония «Nag Champa», малахитовую подвеску-маятник, талисман из синего стекла – от сглаза. В моей жизни старшая сестра была чем-то вроде тотемной фигуры матери – моя мама умерла, когда мне только исполнилось одиннадцать, – пусть и далекой, так что культура Нью-Эйджа всегда влияла на меня положительно. Вот по-

чему в этом магазинчике с его шкафчиками и полочками, заполненными кристаллами и минералами – аметистом, розовым кварцем, дымчатым топазом, пиритом, ониксом, апофиллитом, каменной солью, – магия определенно казалась чем-то реальным. Внутри пахло сандаловым деревом и янтарем. Путь к просветлению предлагали восточные тексты: Бхагават-Гита, Йога-сутры Патанджали. Исцеление обещали свечи с ароматом белого жасмина, защиту – черные вотивы. Капиталистическая магия.

Безделушек с мотивами Нью-Эйджа у меня накопилось немало, и я знала, что едва ли не каждая покупка уже через несколько дней становится хламом. Но когда покупаешь камни, пересматривая внимательно и отмечая их значение, где-то в глубине души всегда теплится надежда, что это вот и есть поворотный пункт. Весь кайф в быстроте покупки, в таящемся в ней потенциале. Магазин предлагал надежду, а надежда – это то, что отделяло меня от унылой равнины моей прочей жизни. Она – ворота, спасавшие меня от поглощения.

Я посмотрела на рекламные листки всевозможных целителей. Одни предлагали гадание по числам, другие по картам Таро, третьи – рейки, четвертые чистили чакры. Я могла бы просидеть там весь день, вникая в предсказания судьбы, пока кто-нибудь не предложил бы то, что мне хотелось услышать, – что я снова буду с Джейми, что он вернется ко мне, – и быстренько отвернулась. Взглянула на кристаллы. Я

бы с удовольствием купила розовый кварц, здоровенные куски кварца стоимостью в сотни и сотни долларов. Я бы очертила круг, встала в центре, провела какой-нибудь дерьмовый ритуал с розовыми лепестками, запалила свечи с ароматами ванили, гардении и земляники для привлечения любви. Но вместо всего этого лишь купила искрящийся кусочек аметиста бледно-лавандового цвета, приносящий, как там было сказано, покой и стабильность.

На столе лежали магические свечи: красные – для любви и страсти, зеленые – для денег. Я прошла мимо любовных свечей и выбрала одну яичного цвета – для очищения и перемен. Может, взять и просто сжечь прошлый год.

Дома я съела пад-тай, выпила белого вина, покормила Доминика и дала ему лекарство. До него я совсем ничего не знала о собаках – как и что с ними делать, – но он терпел меня, и вскоре я научилась трогать его и ласкать. Голова у пса была коричневая с двумя белыми пятнами: полосой посередине лба, которую я поглаживала одним пальцем и называла ангельской меткой, и звездочкой на задней стороне шеи с указательной стрелкой, словно говорившей: *почеши здесь*. Дотянуться до этого места лапой он не мог и, когда я чесала его там, быстро засыпал. Мы играли с ним в игру: он смотрел на меня нежно, стараясь держать глаза открытыми, веки постепенно тяжелели, потом прыгали вверх и снова тяжелели, тяжелели, пока не опускались; глаза закрывались, оста-

вались только два стежка с короткими ресничками.

Когда Доминик перекатывался на спину, белым брюшком вверх, это означало, что пришло время почесать живот. Иногда я впадала в раж и терла так, словно полирую машину, а он забавно махал лапами в воздухе, щетинился, высовывал язык и пыхтел. А иногда я тыкалась носом в какое-нибудь мягкое местечко и вдыхала его запах, немного напоминавший запах теплого жареного цыпленка.

Больше всего мне нравилось чмокать его в серединку больших вислых ушей. Было видно, что Доминику это не нравится, но он шел на жертву и позволял мне тереться лицом об эти восхитительные замшевые блинчики.

Другим моим любимым местечком был изгиб его шеи, под челюстью, где кожа собрана в мягкие складки. По какой-то причине – возможно, из-за ошейника или по старости – шерсть там выпала, и осталась только нежная, как у ребенка, кожа. Я совала туда голову и, наверно, могла бы прожить так всю жизнь.

После обеда я взяла купленную свечу и, потирая ее пальцами, произнесла короткую молитву о счастье, обратившись к богам, в которых, наверно, не верила и которые вряд ли существовали. Казалось, молитва говорит за меня.

– Боги, пожалуйста, помогите мне стать счастливой. Позвольте мне исполнить волю Вселенной и дайте сил исполнить ее, какой бы она ни была. Я знаю очень мало. И то, что я знаю, ведет меня к опасному желанию. Я не просила по-

явиться на свет. Не просила жить. Но теперь я здесь, так, может быть, вы хотя бы попробуете помочь мне порадоваться жизни?

Я чувствовала, что просить об этом глупо. Может быть, человеку нельзя просить так много? Разве кто-то где-то сказал, что жизнь – для радости, а не для страданий? Может быть, смысл как раз в страдании? Но я не хотела больше страдать. Не могла больше это выносить. Я понимала это ясно. Потому-то и пыталась быть счастливой, даже если это означало еще больше страданий. Горела свеча. Сжимая в руке аметист, я сидела на веранде и в какой-то момент ощутила такую близость к себе самой, какой не чувствовала со времени еще до Джейми. Я заплакала. Доминик заворчал, потом оперся лапами о мои колени и принялся слизывать слезы с моего лица. Он слизывал слезы, потому что ему нравился их вкус. Точно так же ему нравился вкус пота. Но мне было приятнее думать, что он облизывает меня из любви. Я так это и чувствовала. Может, та дурацкая терапия все же работала. Может, это и была любовь к себе. Я не знала, да и какая разница? Грязные, депрессивные истечения прекратились, и само наступившее затишье наполнилось благоуханным ароматом, как будто депрессия каким-то неведомым образом обратилась в нечто прелестное.

Я посмотрела на океан. Посмотрела так, словно не замечала его раньше или не хотела видеть. Я страшилась его неукротимой двойственности, такой могучей и аморфной,

как сама депрессия. Ему не было до меня никакого дела. Он мог проглотить меня и даже не заметить.

Но сейчас я видела каждую отдельную волну, одну за другой, и ощущала их ритм в биении сердца. В лунном свете они мерцали и расплескивались. Может быть, океан наконец-то приветствовал и ободрял меня? Может быть, мы все же были на одной стороне и состояли из одних и тех же элементов, прежде всего воды, а еще тайны. Океан поглощал вещи – корабли, людей, – но не искал удовлетворения вне себя. Он мог принять то, что касалось его поверхности, но мог и отвергнуть. В его глубинах уже жил целый мир неведомо чего. Он был самодостаточен. Такой же должна быть и я. Интересно, а что есть во мне?

Говорят, иногда хорошее самочувствие случается, когда ты ближе всего к суициду. Может быть, когда все уже решено, тебе вдруг становится легче. Не думаю, что поэтому я в тот вечер отправилась прогуляться по берегу. Вряд ли я планировала напиться и броситься в океан или хотела погибнуть от руки незнакомца. Я знала, что такие прогулки в полночь опасны, и после десяти или одиннадцати редко гуляла даже по тротуару. Наверно, ощутив связь с самой собой, я просто вообразила себя непобедимой – мол, могу сделать что угодно, и мне ничего за это не будет. А может быть, искала новый кайф.

Я забралась на один из больших черных камней, сгрудившихся у воды. Посидела немного, глядя на волны, казавшиеся вблизи серыми и белыми. Если камни разумны, как им, должно быть, одиноко в холодном лунном свете.

– Привет, – сказала я им.

Камни не ответили. У них был океан, и они не были одиноки. Интересно, раздражают ли их волны, этот постоянный накат, эта ежедневная постепенная эрозия? Не мечтают ли втайне о цунами, которое сбросит их в океан и покончит со всем этим раз и навсегда? Или им доставляет удовольствие неторопливое ритмичное касание?

Краем глаза я заметила что-то на краю одного из кам-

ней. Пара рук. Красивых, бледных под луной, с обкусанными ногтями. «Беги!» – крикнул голос во мне. Вброшенный в кровь адреналин разнесся по телу тревожным звоном. Но я не смогла даже пошевелиться.

А потом увидела прекрасное лицо, упавшую на глаз волну каштановых волос. И громко охнула. Лик смерти?

– Извини, – произнесло лицо. – Не хотел напугать. Решил передохнуть чуть-чуть от заплыва.

– Все в порядке, – пробормотала я, так и не сдвинувшись с места.

Пловец прислонился к камню. Руки у него были крепкие, мясистые – не такие, как у бодибилдеров, но с проступающими тугими мышцами. Я почему-то вспомнила, как ела кусок рыбы с толстой кожей и тонким слоем жира, плотного и вместе с тем мягкого и очень белого. Мне вдруг захотелось укусить их. Грудь у него была безволосая, а цвет сосков совпадал с цветом губ, – как у карандашной резинки. На вид не больше двадцати одного. Если это и была смерть, то очень уж пикантная.

– А ты не боишься плавать вот так, ночью? Вода-то, наверно, ледяная? – спросила я.

– У меня ниже пояса мокрая гидра. И нет, не боюсь. Мне нравится, как волны плещут в лунном свете. Нравится, что океан в полном моем распоряжении. Ну почти.

– Да, здесь красиво, – согласилась я.

Вино выветрилось, нахлынула усталость. Зубы у него бы-

ли белые, но не такие, как у актеров. Они не казались ни выбеленными, ни фальшивыми и переливались, будто внутренность раковины. В нем ощущалось что-то почти женственное, прелестное, но подбородок выделялся твердостью линий. Ох уж эти серферы! Я постоянно забывала, что они настоящие. То есть я, конечно, знала, что они существуют. Знала, что они живые. Но мне всегда казалось, что серфинг на самом деле маскарад, что они только притворяются, будто в восторге от него. Как можно искренне отдаваться чему-то, что и определить трудно? Волна за волной, снова и снова – и это все. Вот бы кто-нибудь так же увлекся мною. Но, конечно, их любовь к серфингу была неподдельной. Это факт. Их подлинная любовь не уступала любви воображаемой. Правда, у этого парня доски не было. Он не был серфером. Он был пловцом.

– Как тебя зовут?

– Люси.

Я почувствовала себя старухой.

– Приятно познакомиться, Люси. Я – Тео.

Имя только добавило ему привлекательности. Он был настоящим, там, в воде, настоящим в том смысле, в каком не была настоящей я. Он плавал, он был мокрый, а я – что здесь делала я? Я подумала обо всех своих книгах, ожидающих меня в прожаренной квартире в Фениксе, лежащих стопками и собирающих пыль. Подумала об университетской библиотеке. Представила, как она растет и растет. Представила

груды книг на краю океана. Уничтожить их могла одна океанская волна. Они такие сухие, словно и впрямь сделаны из пыли. И моя кожа на ощупь такая же, как старая книга: сухая крошащаяся бумага, испещренная знаками, якобы содержащими знание, но которые, если присмотреться повнимательнее, всего-то пустяшные каракули. Не то знание. Ненастоящее. Положи меня в воду, и я тоже растворюсь.

Наверняка.

– Ты всегда плаваешь по ночам?

– Да. Волны сильнее, но и ты набираешься сил.

– Утонуть не боишься?

– Нет.

Я посмотрела на луну. Потом на него. И мне стало не по себе. Кто он? Я не хотела умирать. По крайней мере, не хотела чувствовать, как умираю или тону. Вот сижу, свесив ноги, на камне, в полночь, разговариваю с незнакомцем. А ведь он может запросто ухватить меня за лодыжки, стащить с камня, удержать под водой. И все, конец. Только зачем бы ему это делать?

Не знаю, случается ли нам быть полностью довольными жизнью, но бывают моменты, когда мы чувствуем, что ближе к ней, когда не помним, каково это – страдать. В такие моменты мы движемся вперед в пустоте, забывая, что не движемся никуда, так что пустота не кажется такой уж пугающей. Мы чувствуем себя так, словно разбираемся с дерьмом. Разбираемся с дерьмом и работаем над собой. А потом по-

является кто-то еще, встречает нас, и мы думаем, что в состоянии справиться с чем угодно.

Я всегда считала, что мне все по силам, пока не оказалось, что не все. Я говорила так, словно умереть – это пустяк, но в тот миг я определенно не хотела умирать. Находиться на берегу ночью – безумие. И о чем я только думала?

– Мне надо идти, – сказала я. – Холодает, а еще собаку надо выгулять.

– У тебя есть собака? – Он как будто немного расстроился. Тоже странно. Серферы вроде бы любят собак. В море они и сами словно чудесные беззаботные дворняжки.

– Да. А что?

– Ничего.

– А у тебя есть собака или кошка?

– Нет, – сказал он и рассмеялся. – У меня рыбы.

– Рыбы? – повторила я и неожиданно для себя самой захохотала.

– Где ты живешь? – спросил он.

– Там, за отмелью. В одном из тех домов. – Я махнула рукой в направлении дома Анники.

– А, девушка из Вениса.

– Да, живу с сестрой. – Про то, что я из пустыни, я говорить не стала.

– Что ж, если решишь как-нибудь прогуляться ночью к камням, то, может быть, увидимся снова. Я всегда здесь плаваю.

– Да, может быть. Ну ладно, пока. Будь осторожен.

– Пока.

Он так и остался у камня, когда я ушла. Как будто не хотел его отпускать, но не потому, что боялся волн, просто потому, что... Не знаю почему. Я прошла через отмель, сняла сандалии. Когда обернулась, он все еще был там и держался за камень, прижавшись к нему щекой. Он помахал рукой.

Подходя к дому, я все еще чувствовала его взгляд, но когда обернулась еще раз, его уже не было. Станный холодок пробежал по спине, и я даже обрадовалась, что дома меня ждет пес.

– Привет, Доми, – сказала я, открывая стеклянную дверь.

Но Доминик не бросился мне навстречу, как бывало обычно. Он лишь принюхался, но подходить не стал, а прижал уши и зарычал. Никогда прежде я не видела его таким. Он снова зарычал, но в этом звуке было что-то милое. Доминик пытался вести себя как настоящий пес в дикой природе или даже волк. Живут ли еще собаки на воле, в диких местах? Да и остались ли они где-то, эти дикие места, или все теперь заселено айтишниками и заставлено барами? Есть ли на свете что-то неоткрытое или все схвачено Интернетом? Ничего нетронутого больше нет. Может быть, что-то еще не занесено на карту и где-то еще сохранился уголок для тайны? Может быть, какой-нибудь странный и прекрасный мальчик еще может вынырнуть из моря и напугать тебя.

– Нет, Доминик, нет, – сказала я. – Ни в коем случае. Мы

не рычим. Мы никогда не рычим на маму.

Мне вдруг стало легко, весело и совсем не страшно. Неужели боги – или, может быть, вселенная – услышали мою аметистовую молитву. Как все странно. Жизнь в порядке. Она даже бывает иногда милой. Просто не надо ничего от нее ожидать. Так считали еще стоики – Зенон, Сенека, все эти древние чудаки. Весь фокус в том – и теперь я вполне с ними соглашалась, – чтобы не цепляться за желания и представления. Не привязывайся к другому, не жди ничего хорошего, и тогда ты влюбишься в жизнь, и, может быть, с тобой даже случится что-то забавное и хорошее. А такое случается, только если тебе ничего ни от кого не надо. Не бери ничего у другого и не отдавай никому часть себя, но если встретишься с кем-то, то и с тобой может случиться хорошее. Для начала полюби покой и тишину.

Но утром берег заполнили туристы, и аметист остался всего только камешком. Тишина и покой снова ушли и сменились пустотой, ничем. Расплавившаяся свеча растеклась по всей веранде, и я потратила добрых полчаса на то, чтобы отскрести застывший воск. Подумав, я решила прогуляться с Домиником до фермерского рынка в Санта-Монике, попытаться быть такой же, как и остальные люди в воскресенье. Может быть, купить немного фруктов, погрузиться в суету дня. Может, у меня и получится стать обычной женщиной с собакой, покупающей фрукты.

Фермерский рынок посещают семьями. Не люблю семьи. Какая-то группа играла каверы «Crosby, Stills & Nash», детишки катались на пони. Насмотревшись на это, я поняла, что никогда больше не захочу органической пищи. У прилавка с местной кукурузой я наткнулась на Клэр, рыженькую из нашей группы. Она улыбнулась и помахала рукой. Мне показалось, что Клэр чувствует себя лучше, чем на последнем сеансе. По крайней мере, она не плакала.

– В группу больше не приду. Пошли они куда подальше с этим своим дерьмом. Прикидываются, будто все обо мне знают. Да и в любовную зависимость я не верю. Не верю в абстиненцию, в отказ на какое-то время от свиданий, во все это пуританство, во все это черное и белое, которое якобы

поможет решить мои проблемы.

– Да, рекомендации у них довольно унылые.

– Хуже не бывает. А у меня как раз свидание с шикарным парнем. Зовут Дэном. Такой красавчик. Я в него уже по уши влопалась. Теперь прямая дорога к Obsession. Вот только думаю, что если бы оно и дальше так валило – ну, знаешь, если бы я трахалась не с одним парнем, а с двумя или тремя, – то я бы и не заикливалась на ком-то одном.

– Хитрая придумка, – сказала я.

– Сейчас как раз набираю гарем. Я, кстати, бываю на этих полиаморных вечеринках. В Топанге познакомилась с одним парнем, Трентом. Он малость постарше, занимался порно. Волосы завязывает в хвост, и так сразу не определишь, неряшливо это или мило. У него жена есть. А у жены бойфренды. Собираюсь завтра его трахнуть. Я и с другим состыковалась. Орион. Лет, наверно, восемнадцать. Такой неженский. Носит килт. Так вот он – пансексуал. Мы с ним всю ночь кувыркались. Но живет в Вермонте и уже уехал домой, так что я вся в поисках третьего. Может, уломаю того парня, что в «Best Buy» работает. Мы с ним когда-то уже трахались. Он с Ямайки, супер. И со мной такой милый.

– Так они все поли? И Дэвид тоже?

– Нет. Он... Даже не знаю кто. Компьютерный программист. Может, сидит на чем-то. Хотя занимается йогой. Член у него здоровенный.

– Забавно. Я тебе завидую.

– Попробуй зайти на Тиндер. Или пойдём со мной на поливечеринку.

– Ох, даже не знаю. Боюсь, увлекусь кем-то еще. А Доктор Джуд сказала...

– Чушь, – перебила Клэр. – Как еще, по-твоему, ты с ним развяжешься? Думаешь, излечишься, как от болезни? Так не бывает. Само оно не проходит. Найди замену. Клин клином вышибают! Вот тогда он призадумается и в конце концов вернется, но только ты сама к тому времени его уже не захочешь. Мужчины нюхом чувуют, когда мы другого находим. Особенно если кого-то с членом побольше. Мне лысый Брэд уже сообщение прислал.

– Не отвечай!

– И не буду. Нет такой нужды.

– Да, интересно. Рада, что ты смогла все сбалансировать и не прилипнуть.

– Для таких, как мы, это единственный способ. Только так и можно развязаться: трахаться налево-направо, а там будет видно. Может, еще и сама удивишься. Поймешь, что можно просто трахаться и ничем себя не связывать. Вот даю гарантию, к Тренту я не привяжусь.

– К тому, который с хвостом?

– Да. – Клэр рассмеялась. – А еще тебе самой надо понять, какая ты горячая штука. Почувствовать это.

– Я не такая горячая. – Я тоже рассмеялась. – Я – ленивая и неисправимая.

– Вот уж не надо. Ты такая... типа невинная бродяжка. Вроде той стервы из «Отверженных».

Она посмотрела на часы.

– Черт, пора ребятишек забирать. Не заводи детей. Они испортят тебе жизнь.

– Не планирую.

– И обязательно попробуй Тиндер. Просто попробуй.

В тот вечер я подумала, что, может быть, стоит прогуляться к камням, посмотреть, будет ли там тот пловец, Тео. С другой стороны, не глупо ли? Какой смысл преследовать мальчишку? Вместо прогулки я завела фальшивый профиль на Фейсбуке (прежний закрыла после того, как застала Джейми и Рошель с вином и пирогом у него дома) и открыла аккаунт в Тиндере, воспользовавшись старыми фотографиями пяти- и десятилетней давности. Не то чтобы я сознательно планировала что-то вроде *Я убью себя прежнюю и на ее месте выращу себя электронную*, но на деле получалось именно так. Я хотела отказаться от себя, как будто исчезнуть можно вот так, вычеркнув себя где-то. Как будто можно жить по-настоящему, представившись кем-то другим. Вот я и собиралась стать кем-то, кому ни до кого нет дела. Стать свободной в сексе, свободно распоряжаться собственным телом. Я хотела стать кем-то, кому все до одного места. Можно ли вылепить из себя того, кому на все положить? Когда-то, до встречи с Джейми, я трахалась направо и налево, но мне было не все равно, любят ли меня потом. Можно ли как-то удалить это *не все равно*? Теперь мне предстояло войти в новую жизнь под девизом: мне наплевать. И вот что я написала о себе:

Давай потискаемся в темном переулке.

Их там хватало. Мерзких придурков, особенно типа актерской братии. Ненавижу актеров. При моем уровне социофобии невозможно быть с тем, кто изображает расслабон. Хватит и того, что мы все уже носим маски. Мне не нужен кто-то, чья профессия – надевать дополнительно еще одну. Я больше склонна к тому, чтобы срывать маски как можно быстрее и выкладывать все начистоту, избавляясь от дискомфорта, причиняемого необходимостью носить даже одну. Я, можно сказать, страдаю навязчивой исповедальностью. Но у актеров запас масок неограничен, и они накладывают их слоями, одну на другую.

Первым, кому я написала, был дизайнер по имени Гаррет. О себе он сообщил, что владеет фирмой графического дизайна, среди клиентов которой «JetBlue», «Apple» и MTV. Возраст – двадцать девять лет. Ох уж эти мальчишки! Лакомый кусочек, но заинтересуется ли он мной? Для начала я солгала, сказала, что у меня есть бойфренд, но отношения у нас открытые. Зачем я это сделала, сказать трудно. Может быть, чтобы он знал, что спрос на меня есть, что я не мечусь в отчаянии, а скорее озабочена своим нынешним положением. Или, может быть, хотела указать, что если он попытается убить меня, то мое исчезновение не останется незамеченным. Гаррет ответил. Мое предложение ему показалось забавным, потому что он со своей подружкой тоже состоял в открытых отношениях. В Штаты он приехал из Торонто, теперь жил в Силвер-Лейк, а в Венеции был этим вечером,

встречался с клиентом.

потискаться на улице, да? – написал Гаррет.

да, – ответила я.

а как насчет чего-нибудь еще? в другом месте? хочешь потрахаться?

Я занервничала.

И переключилась на Адама, двадцатисемилетнего парня, смахивающего на обезьяну, но обезьяну сексуальную, с прической мэн-бан. Он с ходу объявил, что я – огонь, и мне это понравилось. Насчет потискаться на улице – он с удовольствием, причем на любой улице. О себе Адам написал, что живет недалеко от Вениса, в Марина-дель-Рэй, и работает официантом в «Whiskey Red's», но пытается стать писателем. Этот парень сразу пришелся мне по душе.

Гаррету я написала – нет, спасибо, и он, похоже, расстроился. Спросил, точно ли я не хочу потрахаться. Осведомился насчет причины отклонения его кандидатуры. Я ответила, что познакомилась кое с кем, кто, кажется, мне больше подходит. Он сказал, что понял, но попросил дать знать, если я передумаю.

С Адамом мы договорились встретиться через два дня. Часы показывали 1:57, и я с ужасом поняла, что весь вечер шарила по профилям и проверяла сообщения и совсем забыла про Доминика, который оставался без прогулки целых восемь часов. Я почесала ему живот, извинилась, и мы отправились к каналам. Мысли вертелись вокруг Адама, и я не

только представляла, как хочу его, но и как он хочет меня. Как вожделеет. Я так и уснула, мастурбируя и отдаваясь человеку, существовавшему, в общем-то, только в моем воображении.

Утро моя правая рука встретила в трусиках. Жесткий взъерошенный кустик напоминал на ощупь губку из стальной шерсти. Иногда я пользовалась кондиционером, но в последнее время не баловала его вниманием. Интересно, к чему привык Адам? Да и есть ли у его сверстниц лобковые волосы? Я потрогала волосы на голове. Какое-то малоприятное облако. При мысли о проступающей седине меня едва не вырвало. А его не стошнит?

Я хотела предьявить Адаму совершенство и, выгуляв и покормив завтраком Доминика, отправилась на Эббот-Кинни. Приглянувшийся мне салон под названием «Trim» порадовал отсутствием клиентов. Меня встретила симпатичная брюнетка с карамельными волосами, которая представилась как Эллисон.

– У меня свидание.

– Чудесно. Что бы ты хотела?

– Покрасить волосы. Без особых безумств. Обычно ношу темно-рыжие.

Я показала ей несколько своих фотографий на телефоне, как выглядела до расставания с Джейми.

– Вы куда-нибудь пойдете? – спросила Эллисон. – В какое-то крутое местечко?

Признаваться, что я собираюсь лизаться-обжиматься на улице, не хотелось. Как и сообщать о том, что на свидание я иду с парнем, которого в глаза не видела и который к тому же на десять лет моложе. Нет, сама по себе разница в возрасте – это даже круто, но как-то непривычно. Пришлось соврать, что встречаюсь с техническим администратором, старым знакомым, и что мы собираемся закатиться на несколько дней в пансионат в Санта-Барбаре.

– Замечательно, – восторженно отозвалась Эллисон.

Приятно все-таки поболтать с кем-то вот так, как с подругой. У меня такого давно не было, по крайней мере с тех пор, как Рошель обернулась из союзницы в крысу. Мы обе даже взбодрились, словно нас обеих, меня и Эллисон, ожидало волнующее приключение. Может быть, она только притворялась, но даже если так, такое притворство предпочтительнее реальности.

После парикмахерской я прошла по магазинам с одеждой, обнаружив, что все дерьмо в стиле хиппи безумно подорожало: шелковые кимоно продавались по 700 долларов, браслеты на запястье, ожерелья и подвески, выглядевшие так, словно их принесли из вудстокской палатки, шли по 3000 долларов, жилетки с бахромой – по 1900 долларов. Но потом мне попался бутик с объявлением «ВСЕ по \$20». Я примерила черное платье с длинными рукавами, выгодно подчеркивавшее мои изящные ножки и талию, но расходившееся колоколом в бедрах.

Все продавщицы в один голос твердили, что выгляжу я изумительно, и их энтузиазм меня убедил. Внимание мне льстит и кружит голову. Я уже не думала о том, как пройдет свидание. Подготовка к нему – вот что захватило меня сетью и вырвало из тины. Вот ради чего стоило жить. Как будто некое чудесное, восхитительное будущее событие вытянулось назад в прошлое. Оно, это будущее событие, оправдывало свое существование только тем, что пробудило во мне вот это волнение, это радостное предвкушение.

Дальше на моем пути лежал магазин косметики и парфюмерии, где к моим покупкам добавилась помада в тон волосам – матовая красная. Здесь меня встретили как чужака, странно враждебными взглядами. Наверно, я слишком много говорила о свидании, а то и дело повторявшиеся слова «техадмин» и «Санта-Барбара» навели их на мысль, что я достаточно богата, чтобы делать покупки в их магазине. Но ни одна из них не улыбнулась. Или разговоры здесь не приветствуются? Может быть, с одними женщинами можно болтать о воображаемых свиданиях, а другие с первого взгляда видят тебя насквозь и определяют твою настоящую цену?

Последним штрихом стала бикини-ваксация. Я заглянула в какую-то вонючую дыру, где меня пообещали принять сразу. Попытка обойтись минимумом не прошла – модельер, грудастая тетка по имени Кристина, увидела мою вагину и подняла шум.

– Слишком много волос! Слишком много волос!

– Да, знаю. И что, по-вашему, мне с ними делать?

– Убери все!

– Ха, вот уж нет.

– Ладно. Уберем часть. Я покажу, как это делается. Ложись!

Я легла на укрытую бумагой подушечку. В комнате было холодно, на потолке темнели пятна, будто на него помочились, и проступала плесень.

– Бойфренд есть? – спросила она. – Что он об этом думает?

– Нет. Нет у меня бойфренда.

– А, понятно! Это я поправлю. Расслабься.

Кристина положила воск. Было горячо, но я же не знала, как должно быть. Ощущение было такое, будто правая губа горит. Она помахала над воском рукой.

– Раз, два, три...

И дернула. Моя вагина будто превратилась в дерево, корни которого рвут из земли. Резкая, раздирающая боль и жгучее жжение – все сразу. Могла б – убила.

– Господи! – крикнула я и приподняла голову. Весь мой куст исчез. На розовом лоскутке кожи темнели крохотные пятнышки крови. Промежность напоминала мохнатый рот с одним удаленным зубом.

– Откинься, дорогуша. Ерунда, пройдет.

– Нет! Не надо. Пожалуйста. С меня хватит. Хватит.

– Я не могу оставить тебя в таком виде. Как ты пойдешь

к мужчине вот с этим? – спросила она, указывая на мою истерзанную вагину.

– Наплевать!

– Теперь будет полегче.

Я не знала, что делать. Мы даже немного повоевали. Она накладывала воск, а я отталкивала ее руки. Со второй половиной у меня потекли слезы.

– Двинуться можно.

И все же я позволила ей довести дело до конца, хотя мне и казалось, что она просто выжигает вульву. Неужели другие женщины тоже проходили через это? Кто же они такие? Потом Кристина занялась моей задницей – по необходимости, как она сказала, чтобы «не воняло». А я жила с этой вонью тридцать восемь лет.

Вернувшись домой, я легла с Домиником, приложив к вагине пакет с замороженными эдамаме. Я ненавидела все на свете. Платье, помада, даже цвет волос казались несусветной глупостью. Я потеряла к ним всякий интерес, даже к платью, которое так полюбила. Дело было не в нем самом. Его приобретение – вот что было здорово.

Счастье бывает разного вида. Одно, безумное счастье, принесло мне ощущение адреналина в крови от всей этой суеты. Другое я получила от тихого покоя, когда лежала с Домиником. Я поцеловала его в ухо.

– Извини, я так расстроилась.

Он принялся. А мне вдруг расхотелось идти куда-то с

Адамом. Я так и уснула, прижимая к вагине пакет с размораживающимися соевыми бобами.

Но к утру выветрившееся было возбуждение – то самое ощущение цели – странным образом вернулось. Проснувшись, я обнаружила поступившее от Адама сообщение.

увидимся вечером красотка.

Что-то было в том утре такое, что встряхнуло меня. Вырвало из тумана. Или, может быть, из грустного осознания, что однажды я умру. Это что-то проткнуло пузырь пустоты. Страсть и любовь ко всему – теперь я чувствовала их в себе.

В группе сменилось слово дня: с *недоступный* на *триггер* и производные. В безопасном пространстве захламленного офиса Доктора Джуд все, казалось, было чем-то мотивировано.

У Куриной Лошади обострились проблемы с домовладелицей. То, что подпадало раньше под категорию харассмент, теперь перешло на стадию абьюза. В один из дней хозяйка, прихватив с собой малолетнего сына, вторглась без разрешения в квартиру, когда Куриная Лошадь принимала душ. Выйдя из душа, Куриная Лошадь обнаружила трехлетнего мальчика с плюшевым медвежонком, закричала и обронила полотенце. Теперь домовладелица обвинила ее в непристойном поведении и добилась постановления о выселении в тридцатидневный срок.

– Мой внутренний ребенок триггернулся, потому что я больше не чувствую себя в безопасности, – заявила она, всю демонстрируя розовые десны. – Я испытываю трудности с овладением гневом. Боюсь оказаться на улице и, вместо того чтобы бороться, стараюсь быть «хорошей» и умоляю хозяйку позволить мне остаться. Но ведь жертва-то я!

Группа отозвалась сочувственными вздохами и утешениями, всячески показывая, что она ни в чем не виновата. А бывает ли так, что мы хоть в чем-то не правы?

Я хотела сказать Куриной Лошади, что, может быть, проблема решится через постель. Почему бы снова не сходить на свидание? Может, потому что предлагаемый Доктором Джуд вариант свидания, «осознанное свидание», звучал уныло и скучно, как говно. Предполагалось, что перед каждой встречей и после нее мы будем отмечаться у друга звонком, посылать не более одного сообщения в день и не позволять себе заниматься сексом вне рамок моногамных отношений. Может быть, Куриная Лошадь опасалась, что не сумеет соблюсти все правила? Мне это все напоминало фильм «Роковое влечение».

Сара, держа на коленях большой пакет калимирского инжира, поведала историю о том, как занятия сальсой вдруг повернулись к ней опасной стороной.

– Мне стало стыдно за свое тело. Когда никто не захотел стать моим партнером, это сыграло роль триггера, вызвав беспокойство и тревогу из-за того, как я выгляжу. Потом один мужчина все же выбрал меня в пару, и у меня голова пошла кругом, оказалось, что я хочу от него большего, как всегда было со Стэном. Это небезопасно.

Теперь, оставшись без Стэна, Сара проводила дни и ночи в мастерской «Открывая сердце» в Санта-Монике.

На мой взгляд, сердце самой Сары уже открылось вполне достаточно. Зачем распахивать его еще шире?

– Посмотрим, как пойдет, – сказала она. – Я уже чувствую, как сработал триггер, потому что некоторые женщины в этих

мастерских находят себе пару среди мужчин. Становятся как бы парой на неделю. Но со мной ничего такого не бывает. Где мой бойфренд?

Доктор Джуд напомнила, что в любом случае Саре пока еще не рекомендовано встречаться.

– Знаю, – угрюмо отозвалась Сара, вгрызаясь в инжир. – Но было бы приятно сознавать, что и я могла бы при желании завести бойфренда в мастерской.

Тяжело пришлось и Брианне – ее сын нашел себе подружку.

– Для меня это определенно триггер, потому что теперь я буду в еще большей изоляции, – сообщала она из-под широкополой шляпы, пряча лицо, покрытое какой-то напоминающей мел субстанцией, наверное цинком. Выглядело это так, будто на ней клоунская маска. – Друзей у него никогда много не было, а теперь он постоянно пропадает, и я остаюсь совсем одна.

Интересно, ее сыну тоже предписана психотерапия? Если нет, то ждать уже недолго.

– Я остаюсь с *Match and Millionaire Match*. – Она осторожно потрогала губы, проверяя, не уменьшились ли они в размере. – Поживем – увидим. Чему быть, то и будет. Если нет, что ж. Мне никто не нужен. У меня и без того насыщенная жизнь.

Сегодня я на это уже не купилась.

– То есть ты, если даже ни в кого до конца жизни не влю-

бишься, переживать не станешь?

Брианна посмотрела на меня через свою клоунскую раскраску.

– Кажется, меня здесь порицают.

– Извини.

– А как насчет тебя, Люси? – спросила Доктор Джуд. – Ты же не считаешь, что человек может быть одинок и довольствоваться этим?

– Не знаю. Наверно, нет.

– М-м-м.

– А ты?

– О, определенно да. – Доктор Джуд сверкнула желтыми зубами. – Я не считаю, что человеку нужен кто-то другой, чтобы чувствовать себя полноценным.

– И даже не трахаться?

– Давайте не забывать про триггерную лексику, – напомнила она.

– Да, это я триггернулась, – сказала Сара.

– Хорошо, извини.

В комнате стало тихо.

– А вы, Доктор Джуд? Вы с кем-нибудь встречаетесь? – спросила я.

Она помолчала, покрутила лежавшую на столе карточку ангела с надписью *Пробуждение*.

– Нет. В данный момент нет.

– И когда в последний раз?

– Ну, если уж вы так хотите знать, я совсем недавно развелась.

– О, – удивилась я. – И вы говорите, что всем довольны?

– Хм-м. – Доктор Джуд отпила зеленого чая. – Вообще-то да. По большей части я бы сказала, что да, довольна.

Никто не произнес ни слова. Сара неторопливо очищала клементин той самой рукой, которой только что массировала ногу. Маленький, на два укуса, фрукт определенно не стоил затраченного на него времени. Я смотрела, как она сдирает одну оранжевую полоску за другой, и меня начало трясти. Клементин для Сизифа. Безнадега. Закончив, Сара предложила кусочек фрукта Брианне, и та приняла его с таким восторгом, словно ей подарили драгоценный камень. Мне стало жаль обеих. На какие романтические отношения они могли рассчитывать? В лучшем случае их ждали чуть теплые, под тщательным контролем встречи, но уж никак не темные аллеи. Ради чего им жить? Ради сына, который вырастет и уйдет? Ради мужчины в мастерской, который скажет, что у тебя хорошая аура? Ради дерьмового офиса? В моей жизни была, по крайней мере, искра. Я готовилась к приключению. Конечно, я и словом не обмолвилась об Адаме. Не хотела слушать их замечания и полезные советы. Я заранее знала, что бы они сказали: мне еще не полагается ходить на свидания. И встреча с незнакомцем в темном переулке вовсе не является сознательным свиданием. Но, может быть, я и не хочу быть сознательной.

Ожидая Адама на Оушн-фронт, возле Марина-дель-Рэй, на уже свободном от бездомных и почти пустынном променаде, я неожиданно для себя разволновалась до тошноты. Горы Санта-Моника укрылись туманом, так что силуэты Вениса с их пальмами напоминали поднимающийся из мглы остров – застывший во времени старый береговой пейзаж. Вечер выдался ветренный, и я замерзла, но чувствовала себя так, словно выполняла некую судьбоносную, историческую миссию. Я могла быть кем угодно, на каком угодно берегу, любой женщиной, ждущей любимого. Могла быть Сафо, не убоявшейся Эроса и призывающей Афродиту.

Но едва увидев его, я подумала: «О боже, нет». Да, он выглядел как на фотографии, но в реальности сходство играло не в его пользу: обезьяну он и впрямь напоминал, но эффект это производило обратный ожидаемому. Вдобавок в нем было что-то от оборотня, чего не передавала фотография. Не острые зубы, не неряшливая бородка, но что-то другое, определенно выдающее оборотня. Он помахал мне, и я помахала в ответ, проклиная себя сквозь зубы и уже понимая, что ошиблась. Адам пересек улицу, и я попыталась не выдать разочарования и быть приветливой, хотя, казалось бы, зачем? Какое мне дело до того, что он подумает? Наверно, я чувствовала себя неудобно из-за того, что вынесла суждение

на основании одной лишь внешности человека, совершенно его не зная. С другой стороны, на что еще я рассчитывала, отправляясь на встречу в темных аллеях? Все сошлось. Разумеется, лучшее, на что я могла надеяться и что получила, это такой вот тип, оборотень/обезьяна.

Возможно, он тоже испытал разочарование, увидев меня, но никак этого не выказал.

– Ты такая прелесть, – сказал Адам, словно стараясь убедить в этом и меня, и себя. – И выглядишь никак не на сорок. Намного моложе.

– Мне тридцать восемь.

– Ничего не имею против женщин постарше. Я люблю женщин постарше. Ты в самом соку. Выглядишь как зрелая, но молодая. То есть ты уже не молодая, но еще не...

– Ладно, – сказала я, чтобы помочь ему выйти из тупика. – Я поняла.

– Итак, чего бы ты хотела? – спросил он. – Останемся здесь и выпьем или прогуляемся?

– Давай сначала выпьем.

– Боже, ты точно прелесть.

Мы завернули в бар. Я заказала водку с тоником. Вообще-то, крепкое я пила нечасто, но что-то надо было делать. Рассудительность и ясность мысли делу не помогали. Заплатить за мою выпивку Адам не предложил, но взял два шота с текилой, один из которых предложил мне, и виски с колой. Я засмеялась и отказалась.

– Ну, что читаешь в последнее время? – спросил он после первого шота.

Я сказала, что работаю в библиотеке, и ему это понравилось. Он попросил надеть очки, но очки я не ношу.

– Читаю в основном греков. Уже несколько лет работаю над проектом о Сафо. Пытаюсь закончить этим летом.

– А, читал его в средней школе, – похвастал Адам. – Сейчас увлекся «битниками». Тебе они нравятся?

Моя короткая любовь к «битникам» случилась в четырнадцать лет. К шестнадцати я поняла, что эти парни хороши в основном, когда нужно обнаружить неадекватата. Между неадеквататами и «битниками» есть что-то общее.

– Нравятся. У тебя кто самый-самый?

– Керуак. Западаю на Керуака, Берроуза и Буковски. У Керуака все такое настоящее. Он так описывает своих героев – это просто... ништяк.

– Точно.

– Так что, прошвырнемся?

Уже почти стемнело. Адам закурил и предложил сигарету мне. Я отказалась. Он прищурился, затынулся, выдохнул. Жест был явно отрететированный, скопированный с Джеймса Дина. Вот только сам он был далеко не Джеймс Дин, и руки еще сильнее, чем все остальное, выдавали оборотня-обезьяну: пальцы держали сигарету, словно сорванный банан, а волоски на руке заползали далеко за запястье, вплоть до костяшек пальцев. Мы шли по тротуару, и меня уже подташни-

вало. «Знаешь что? Спасибо, но я сегодня не в настроении и пойду домой». Я повторяла и повторяла это про себя, но продолжала идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.